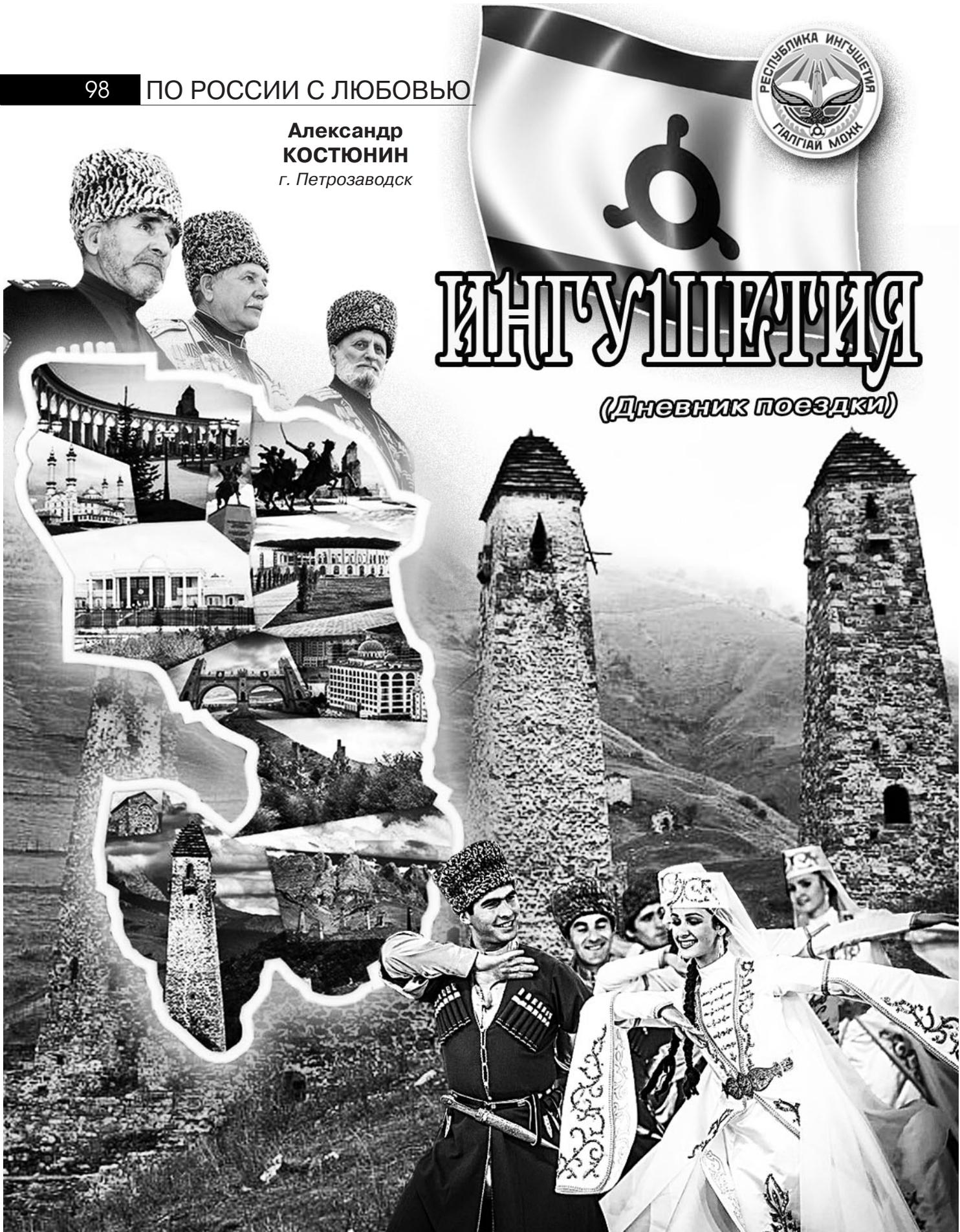

**Александр
КОСТЮНИН**
г. Петрозаводск

ИНГУШЕТИЯ

(Дневник поездки)

ПОПРАВКА К «СУХОМУ ЗАКОНУ»

Хабар

Цена мужчины зависит от него самого.

Ингушская поговорка

Илез Даурбеков, секретарь антитеррористической комиссии Малгобекского района, показывал армейские фото, похвальные грамоты, выданные командованием:

– На срочную службу попал интересно...

С детства серьёзно занимался вольной борьбой, кандидат в мастера спорта. 2004 год, май... Утром, как всегда, шёл на тренировку, ничего не подозревая (через пару дней должен был ехать в Черкесск на соревнования – мастерский турнир). Занимались по три раза в день: утром физзарядка 45 минут, потом с 11.00 до 13.00 и с 17.00 до 19.00 – тренировки. Смотрю, знакомые ребята с сумками, рюкзаками тусуются:

– Вы куда?

– В армию.

– Ну давай, пацаны! Желаю отслужить достойно.

– Илез, поехали с нами!

– Не могу, через два дня турнир.

– После армии успеешь на свой турнир.

Думаю, может, правда, с ними рвануть? Паспорт при себе... Я – к военному.

– Илез, если тебя сейчас заберут, тренер меня уйдёт. Ты знаешь, это не шутка. Он несколько раз приходил, ходатайствовал за троих... просил, умолял, чтоб призыв отложил и дал возможность вам сдать на мастера. Я обещал: до конца июня не трогать.

– Забирайте сегодня!

Военком немного поупрямился, потом устало махнул рукой, и я без вещей, с паспортом встал в строй. Дома никто ничего не знал... Я успел передать через двоюродного брата – тот провожал одноклассников:

– Пока не говори нашим, где я, сообщи ближе к ночи.

Сам думаю: быстрее бы вывезли за пределы республики. Если отец узнает!.. Перехватит, заберёт назад. Я единственный сын в семье, отец проклянёт, коли ослушаюсь. А тренер... боюсь, вам даже не понять... За шесть лет я ни одной тренировки не пропустил, один раз опоздал на десять минут – всё! светопреставление, ужас... Легче в Следственном комитете отбрехаться, чем перед ним. А тут – «мастерские»!..

Попадаю в Омск.

Замполит роты капитан Баранов, боевой офицер, стоящий мужик... С каждым знакомится, беседе по отдельности:

– Ну, Илез, как себя чувствуешь? Как там на Кавказе? Что говорят дома?

– Дома не в курсе, товарищ капитан.

– ?! Как! Восемь дней прошло... – достаёт свой мобильник. – Звони сейчас же.

Набираю отца... Сам боюсь...

– Па, я в войсковой части, в Омске... Внутренние войска.

– Ну!.. раз уж служишь – служи достойно. Не позорь род. В звании ниже старшины домой не возвращайся.

У меня на душе сразу отлегло... Такая поддержка! И замполиту:

– Спасибо вам большое!

– Нужно будет позвонить домой – обращайся.

И началась моя служба...

Попал в роту БТР, единственный из призыва ингушей – у меня права «В», «С».

По окончании учебки – итоговая проверка. Прибыл командующий внутренними войсками округа... Такой жёсткий полковник – он и был председателем комиссии, всё проверял лично, досконально, чтоб в точности доложить обстановку министру обороны. Заранее объявили: «Кто пройдёт проверку на «отлично», для дальнейшего прохождения службы будет направлен в хорошие части...» Но посулы мало действовали – сдают мастерство вождения на БТР: первый курсант – «неуд», второй, третий, пятый – двойка за двойкой. Командующий орёт матом на командира полка... Тот стоит, виновато переминается: – Чем вы здесь три месяца занимались? Почему не учили людей?

А ведь люди бывают способные к технике, к вождению, а бывают, сколько ни учи – «ноль». Неправильная политика проводилась... Изначально нужно оценить склонность, а они распределяли механически – неэффективно! В итоге из ста двадцати призывников один получил тройку, я – пятёрку, остальные – «неуд».

Полковник на инструктора-прапорщика рычит:

– Почему у тебя машина неисправна?

И правда: ручник не держит, на склоне машину не остановить – скатывается. А требование жёсткое: при трогании нельзя скатиться назад более чем на тридцать сантиметров.

И зампотеху влетело из-за меня:

– Ты почему на место водителя контрактника посадил?!

– Это военнослужащий срочной службы.

– Как срочной?..

Председатель комиссии сам забрался в БТР, сел справа от водителя и одного за другим стал выгонять курсантов с двойкой. Доходит до меня.

– Вперёд!

Я прокатился.

– Ещё давай!

Я – газу.

– На склоне останови!

Торможу, ставлю на ручник, сам педалью деликатно придерживаю, чтоб он не видел. Трасса сложная, интересная: склон на склоне... затопления... Три раза меня прогнал по всему маршруту.

– Стоп!

Останавливаюсь, полковник вылезает из БТР и зампотеху – тот на броне сидел:

– Вы чё, ребята, кого хотите обмануть? Я воевал, когда вас ещё на свете не было... Почему подсунили мне контрактника?

Я рядом стою навытяжку и ему:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться!

– Обращайся, курсант!

– Я из Ингушетии, с детства за рулём.

– Ты что, на самом деле срочник?!

– Да.

В доказательство сдёргиваю сапог с ноги, показываю портянку: грязная-прегрязная, мы неделю перед его приездом не вылезали из-за рычагов. А у всех контрактников уже давно берцы и носки.

– Материальную часть знаешь?

– Так точно.

Вразброс задал мне три вопроса, подошёл и обнял:

– Молодец, ингуш! Откуда такая практика?

– У отца свои фуры, с детства самостоятельно водил.

Полковника не обманывал: действительно, тысячи километров намотано за рулём КамАЗа. Водительские права по возрасту не полагались, – смеётся Илез, – мне оформляли справку-временку, что права изъяты за нарушение ПДД, и с пятнадцати лет я – в Нальчик, Черкесск, с прицепом. По итогам проверки мне присвоили звание сержанта и... никуда направлять не стали – оставили служить в учебном полку. Все офицеры удивлялись, неделю потом обсуждали это неординарное событие – выходящее из ряда вон!.. Дело в том, что в этой воинской части царил «сухой закон»: инструкторов, сержантский состав из кавказцев не набирали: учебка готовила спецподразделения для отправки в горячие точки. Внутренние войска, сами знаете... операции по зачистке, мало ли... Чтoб не возникло конфликта интересов...

Илез ухмыльнулся.

– Хотя какие могут быть «конфликты интересов»? Смешно даже... В нашей семье всегда придерживались традиционного ислама, и мой дедушка, и отец, и я – всегда были врагами ваххабитов. От рук этих шакалов погибло столько близких родственников. У меня личные счёты... Секретарём ATK никто не желал работать... Я пошёл добровольно, осознанно.

Я внешне никак не отреагировал на эти слова, но по Дагестану знаю прекрасно: люди на подобных должностях – под прицелом.

– На срочной службе как: до старшего сержанта звание присваивает командир полка, но мне-то отец наказал вернуться старшиной. А его может присвоить только командующий округом... Как заслужить звание «старшина», пока не представлял. Я лишь старался точно, в срок выполнять приказы командиров, стрелять точнее, проходить полосу препятствий быстрее, подтягиваться больше и управлять БТРом лучше других. А ещё теория... Были у нас такие занятия – «индивидуальные профилактические беседы с подчинёнными». Сейчас даже конспект покажу – сохранил на память.

Илез достал из книжного серванта аккуратную тетрадь.

Однажды командир полка собрал весь офицерский и сержантский состав:

– Хочу проверить ваши ИВРы и конспекты.

Офицеры стопкой сложили свои тетради, сержанты отдельно – свои.

Берёт в руки первую тетрадь, пролистнул, сморщился:

– Командир третьей роты!

– Я.

– Капитан, разве это работа с материалом, разве это конспекты? – разорвал тетрадь в клочья.

Вторую тетрадь, третью. Молча рвёт одну за другой... доходит до моей: «Тетрадь конспектов по боевой подготовке, огневой, спортивной... Заместителя командира взвода 4-й учебной роты старшего сержанта Даурбекова И.И.» В лице изменился, бережно открыл мою тетрадь, остальные не глядя отодвинул и как гаркнет:

– Дежурный! Подойди сюда со своим дневальным. Вот это всё, – показывает на стопки офицерских конспектов, на клочки порванных страниц, – выбросить на свалку, быстро. Товарищи офицеры, мне стыдно за вас. Если вы к завтрашнему утру не приведёте конспекты в такой же вид, как у старшего сержанта Даурбекова, – не обижайтесь...

Все ко мне в очередь:

- Даурбеков, кто тебя просил так стараться?!
- Отец звонит ежедневно: «Ты ингуш, должен для всех быть примером».
- Смеются, хлопают по плечу:
- Дай списать!

Спустя несколько дней меня находит дежурный по роте:

- Даурбеков, тебя замполит полка вызывает к себе!
- ?!

Полковник Тюменцев!..

Жёсткий до крайности... Вызывал курсантов только по одной причине: объявить строгое наказание, вплоть до дисбата. Его боялись все без исключения.

В штабе офицеры сочувственно:

– Что у тебя? Что стряслось?

– Сам не знаю. Тюменцев вызвал.

Захожу, строевым шагом отчеканиваю:

– Товарищ полковник, старший сержант Даурбеков по вашему приказанию прибыл.

Смотрю, на столе Уголовный кодекс с красной закладкой, ведомости Верховного суда...

– Скажи по слогам, как правильно пишется твоя фамилия.

– Да-ур-бе-ков...

Сам размышляю в смятении: «Что натворил? Что я натворил?» Полтора года отслужил, вроде достойно, без замечаний, осталось шесть месяцев, неужели решил наказать?

– Илез, мы с командиром полка, с офицерами приняли решение наградить тебя нагрудным знаком «За отличие в службе».

Стою ни жив ни мёртв... Думаю: «Издаётся надо мной полковник...» Все знают: эту награду вручают только кадровым офицерам и контрактникам... Для срочника это всё равно как получить Героя России.

– Товарищ полковник, шутите?

Не поверил, клянусь.

– Даурбеков, я всегда говорю серьёзно. Эту награду ты заслужил.

А в казарме меня уже ждут командир роты, офицеры:

– Илез, зачем он тебя вызывал?

– Вручил орден Мужества.

– Говори серьёзно, не томи...

Для меня это был самый счастливый день службы.

Наградной знак вручали в Омске, в театре на торжественном концерте, посвящённом Дню защитника Отечества, через неделю присвоили звание «старшина». По всему выходило, я – исключение из строгого правила, поправка к «сухому закону»...

Илез продолжал машинально перелистывать конспекты, а мне на память пришли строки Юрия Белаша:

Старшиной –
как и поэтом –
надо родиться.

С новыми погонами и забот прибавилось.

Поступило однажды пополнение из Дагестана, тридцать пять курсантов: мне девятнадцать лет, а там мужики – по двадцать три, двадцать четыре года, спортивные, быковатые. Не знаю, где таких набрали. Офицеры меж собой порешили: «Всех дагестанцев – в один взвод в подчинение Даурбекову. Он сам кавказец, вот пусть с земляками и разбирается».

А для меня национальность, вероисповедание значения не имеют. Для меня все одинаковые: и дагестанцы, и русские, и ингуши, и татары, и негры... Для меня главное – справедливость и порядок в роте. Когда ротный уходил домой, объявлял:

– Илез – ты старший!

– Есть, товарищ капитан!

Офицеры – его подчинённые, ревниво наблюдали, но помалкивали.

С кавказцами всё оказалось непросто: земляки земляками, но дисциплину как-то нужно выстраивать. Пришлось немного отступить от устава... нарушить его. Иначе бы ни за что не справился. Ещё Пётр I говорил: «Не держись устава аки стенки. В каждом случае надо и голову приложить». Построил их, объявляю:

– Существует график уборки, очерёдность нарядов. Я старшина роты. Я тоже кавказец, ингуш. Согласно графику полы будут мыть все, все – заступать в наряды, на тумбочке стоять дневальным, картошку чистить.

– Да ты чё! Полы мыть не будем, это женская работа! – и началась буза.

Дал им выговориться и опять за своё:

– У меня дома этим тоже занимаются только женщины, но мы с вами в армии.

– Да пошёл ты...

– Не предлагаю вам убирать за другого, уберите за собой.

Подхожу к качку, стоит лыбится, желваками поигрывает.

– Это твоя кровать?

– Да.

– Вот и убирай тут. Ты же не будешь как свинья в грязи жить!

– Я мужчина, мыть полы не стану.

– А кто за тебя убирать будет? Я, что ли?!

– Нет. Другой человек уберёт.

– Шалишь! Здесь по уставу старший я. Пока не поймёте, будете учить Дисциплинарный устав наизусть.

Строю роту, одному из дагестанцев вручаю эту маленькую невзрачную книжицу, приказываю читать вслух. Все стоят по стойке «смирно», слушают, я стою с ними... Читает-читает-читает... Один человек опускает голову:

– Отставить. Нарушили строй. Начинай сначала.

Есть мудрая русская поговорка: «Клин клином вышибают». Я им по-доброму объяснил:

– Ребята, давайте не будем церемониться. Если вы откажетесь исполнять приказы, на обед не пойдёте ни вы, ни я. Общий порядок – для всех, иначе будет несправедливо.

Остальным взводам дал приказ, сержанты построили, повели в столовую.

Даги рычат:

– Мы тебя зарежем...

– Будете соблюдать?

– Нет.

– Хорошо. Тогда и на ужин не пойдёте ни вы, ни я.

А солдату что самое главное: покушать-поспать, покушать-поспать. Это знает каждый, кто служил. Хоть в сушилке, хоть в строю, но поспать, кемарнуть сытому. Утром смотрю, единства в их рядах уже нет: кто-то готов на попятную – жрать-то хочется, – кто-то готов терпеть.

Опять объявляю построение, но уже только этого взвода:

– Ребята, мы с вами все российские курсанты, все россияне. Вы хотите служить по уставу или нормально?

– По уставу.

– Это вам так только кажется... Если я начну обращаться по уставу, у вас крыша съедет сразу. Устав для этого и придуман. Так что давайте служить нормально... Будете соблюдать?

– Нет.

Мы сэкономили армейские продукты и в этот день.

На третье утро смотрю – делегация:

– Илез, решили слушать тебя. Ты прав. Так положено.

На обед строем пошла уже вся рота в полном составе, и с тех пор график соблюдали безукоризненно. Конечно, нужно «дожать», добиться исполнения своих требований. Были среди кавказцев и те, что выполняли приказы, но зубами скрипели:

– Домой не поедем, пока не убьём тебя.

За справедливость я готов стоять насмерть: ещё до горцев было несколько конфликтов – сержанты отбирали у молодых пайку масла, деньги. Предупредил одного, самого борзого: «Пусть ся-

ду, но ты ни масло, ни деньги ни у кого больше не заберёшь!»

Сейчас мне тридцать лет, за спиной диплом об окончании Академии безопасности в Москве, финансовая академия... три высших образования, кандидатский разряд по вольной борьбе, но самый-самый полезный жизненный урок дала мне армия. Если у меня родится сын, хоть он будет единственным, хоть половинкой... отправлю на срочную службу. Причём измеряю по карте: чтобы от дома ехать не меньше недели. Это обязательно!

А в Омске как считали: если от армии сумел откосить, значит, ты грамотный – не лузер, человек деловой; если в армию тебя замели, ты – лох. Они так считали. Я не соглашался, хотя мне было восемнадцать лет:

– Ребята, вы неправы! Раз мы граждане России, должны служить в армии, уметь защитить, коли потребуется. Если занимаю в долг, обязан ведь долг возвращать, если я мужчина. Служба в армии – возврат долга нашей родине. А кто не отдал – права голоса не имеет.

Они – мне:

– Долг возвращают только трусы!

Я не случайно вспомнил эти споры.

Был у меня в роте такой Женя. Отец его в Омске – полковник МЧС. Сына устроил в шаговой доступности, чтобы подкармливать, холить, оберегать. У Жени этого физподготовка на «два»: подтянуться не мог, стометровку бегал за двадцать секунд! кросс... на руках по очереди несли. Высокий, студенистый... Глиста! Родители на него в детстве дыхнуть боялись, пылинки сдували, носились как с золотым куриным яйцом. И вот он попадает в армию... В мою роту. А я, как начинают составлять список на увольнение, каждый раз его вычёркиваю. Вычёркиваю, вычёркиваю, вычёркиваю:

– Женя, посвяти свободное время физподготовке.

Он каким-то образом связался с отцом: «У нас тут в роте обезбашенный кавказец, придирается, не пускает в увольнение. Папа-мама, караул! помогите! спасите!»

Раз дежурный несётся вприпрыжку:

– Илез, к телефону.

В дежурке трубка – на столе, прикладываю к уху, в мембрану как рывкнут на том конце:

– Я полковник МЧС, отец Жени, прекратите измываться над ребёнком!.. Я дойду до командования... У меня связи с военной прокуратурой, в штабе округа... я вас посажу.

Минут пять орал, но глотка тоже, видно, не лу-

жёная, чувствую, стал выдыхаться, выдыхаться... примолк.

– У вас всё, товарищ полковник?

– Да.

– Можно отвечать?

– Да.

– Старшина Даурбеков, служу в четвёртой учебной роте. Вашему сыну сколько лет?

– Двадцать три года.

– Мне девятнадцать. Вы знаете, сколько раз ваш сын подтягивается на турнике?

Сопит в трубку.

– Ни разу. Стометровку преодолевает за двадцать секунд, хуже всех. Километр вообще не в состоянии пробежать. Товарищ полковник, я давал Родине присягу, взял на себя ответственность, что из вашего сына сделаю достойного бойца, защитника. На это мне отведено всего четыре месяца. Поэтому сам не хожу в увольнительную, занимаюсь с вашим сыном и другими отстающими. И делаю это потому, что над страной нависла угроза. Угроза не в лице Кавказа – Америка и Европа. И я не хочу, чтобы ваш сын погиб в первом бою. Я в ответе за него.

– Давайте встретимся...

– Жду вас на КПП.

Приезжает, в форме... большие звёзды на погонах.

Увидел меня, презрительно хмыкнул:

– Так это ты, что ли... моего сына в увольнение... не отпускаешь?

– Я.

У меня телосложение хрупкое, хотя в округе на армейских соревнованиях по рукопашному бою частенько брал первые места. На КПП народу полно, женщины подпирают стены в ожидании свиданки, услышали нас, разгалделись, набросились на меня.

– Кавказцы распоясались! Управы на них нет! Девтей истязают!!!

И он, чувствуя народную поддержку, опять раскрыл рот. Я деликатно останавливаю:

– Вы вроде бы взрослый, серьёзный человек, дослужились до полковника, а подзуживаете женщин, баламутите народ. Скажите людям, что здесь армия – не базар.

Он покраснел, вспотел, голос понизил:

– Давайте где-нибудь поговорим отдельно.

– Пойдёмте.

Строю взвод. Женя увидел отца, обрадовался: «Наши пришли!»

Я назначаю старшего, отдаю приказ личному составу заниматься по распорядку, сам с полковником прохожу в Ленинскую комнату. Отец думал, с собой заберёт сына, а я завожу прежнюю пластинку:

– Товарищ полковник, пока вы, используя свои связи, не снимете меня с должности или не переведёте сына в другую роту, я увольнительную не подпишу. Сначала он должен сдать нормативы. – Достаяю свою личную карточку, «дневник замполита», где подноготная каждого бойца: выговоры, поощрения, взыскания, награды. Показываю:

– Видите, у меня здесь одни поощрения, награды, даже личная благодарность от командующего округом: если я пойду на сделку с совестью, закрою глаза на низкие показатели вашего сына – меня справедливо накажут. Портить свою биографию не хочу.

Взмолился:

– Сколько нужно, дам денег!..

– Товарищ полковник, у меня душа болит за вашего сына, но если я у вас возьму деньги и буду снисходителен к нему, из него вырастет наркоман, слюнтяй. От вас нужна помощь другого рода: мне нужно отцовское разрешение, и я за оставшиеся три месяца сделаю из вашего сына отличного солдата, достойного человека.

Он аж сгорбился...

– Обещаю.

– И большая просьба: сейчас на улице к сыну не подходите, чтобы почувствовал – мы с вами заодно.

– Хорошо.

Он так и сделал, хотя, я думал, дрогнет...

Через два месяца звоню ему сам. По голосу сразу узнал:

– О, Илез Исаевич, как дела?

– Как и договаривались, прошло два месяца. Сегодня в 11.00 принимаю у бойцов нормативы, приглашаю вас.

Отец наблюдал, как его сын летал на турнике, выделывал чудеса, и, клянусь, Александр, счастливее человека я в жизни не видел. Он лучился счастьем...

* * *

В конце восьмидесятых руководству Советского Союза стало очевидно: кавказцы в рядах Советской армии – плюс неоспоримый. Непонятным оставалось только, кому «плюс»: нашей армии или врагам? Не замечать национальные, религиозные особенности южных братьев стало невозможно, невыносимо... Темпераментных, страстных ревнителей зикра, лезгинки, гостеприимства и кровной мести по инерции в ряды срочников ещё призывали, однако после очередного ЧП Секретариат ЦК издал секретное постановление: всех призывников с Кавказа отправлять только самолётом и только в сопровождении

старшего, в ранге не ниже заместителя министра. А потом и вовсе решили: «Спасибо, не надо!»

Как здорово, что «сухой закон» по призыву кавказцев не распространили стопроцентно, оставили какую-то квоту. Иначе таких воинов, как Илез, Башир, как генералы Осканов, Аушев, Евкуров... (список можно продолжать долго), страна бы так и не узнала.

ПРОСПЕКТ ОТЦА

Хабар

Мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, по чём вздыхает.

Фёдор Достоевский

19 апреля – день рождения моего отца...

Его давно нет в живых. И все эти годы без него... отца мне не хватает. Мы были большими друзьями. Когда родители уходят, начинаешь понимать, что между тобой и Богом уже никого нет.

– Махмуд, а твой отец жив?

Он отрицательно махнул головой:

– Отец учил: «Всегда говори правду. Возможно, если сегодня ты сказал человеку правду, он даже обидится на тебя, развернётся, уйдёт, но совесть в жизни по-любому приведёт его к зеркалу, и он вспомнит твои слова. Может, на это понадобится полчаса, может, год, может, жизнь, но человек обязательно вернётся и скажет: «Ты прав! Извини». Не ври даже в малом. Если солгал – ты кинул зёрна, семена зла в душу человека, из семени проклянется росток, затем вырастет дерево, и дерево это со временем принесёт для тебя неприятные, горькие плоды. Деньги можно вернуть, власть, даже здоровье поправить... Честь – не вернёшь. Ложь – прямая дорожка к утрате чести».

* * *

Разговор об отце получил неожиданное продолжение в кабинете главного редактора газеты «Сердало» Якуба Патиева:

– У нас мода пошла – давать улицам, по настоянию тейпа, имена родственников, причём некоторые «герои» знамениты лишь тем, что родились и умерли в Ингушетии. Спрашиваю в селе у одного члена подобной инициативной группы:

– Вы ходатайствуете о переименовании, а чем имярек знаменит?

– Он всю жизнь простоял тут на углу.

Дословно!

Или приходят:

– Напишите про нашего Магомеда в газете, – протягивает листок, а там все эпитеты в превосходной степени «легендарный, великий, грандиозный, лучезарный, солнцеликий...»

– Что о нём написать?

– Напиши «великий».

– А его величие выражается в чём?

– Он мой отец.

– Ну допустим, а вы кто?

Нужен символ!

Вот если бы появился «Проспект отца» – дело другое, это близко, свято каждому.

Отец для каждого ингуша – второй человек после Аллаха.

Вы правильно заметили: у меня на столе, в рамочке, портрет отца. Свои поступки и сейчас мысленно сверяю с его наказаниями... Бывает, останавливаюсь в шаге от резкого слова, которое он бы не одобрил. Не буду лицемерить, что делаю это всякий раз, поминутно... но в вопросах судьбоносных – всенеменно. На должности редактора недопустимы резкие слова в чей-то конкретный адрес... да и вообще упреки лучше не персонифицировать. Надо помнить: здесь Кавказ. Ингушетия! Жену раньше всё выпытывали на работе: «Что пишет муж?» Выводы вали через неё. Я ей, как профессор Преображенский, запретил читать газеты. Ко мне несколько раз на дом приходили бородатые старики: «Как посмел нашу фамилию выставить в неприглядном свете?» Ингушетия – не место для персональной критики! В этом специфика работы журналиста. Иначе обиды, кровная месть, упреки, всеобщее осуждение... Начинают давить на родственников, те бегут с мольбой: «Прекрати, Якуб! Нам проходу не дают!»

– Нужно, как в знаменитой советской песне:

*Если кто-то кое-где у нас порой
честно жить не хочет...*

– Да. Так.

И ещё: здесь нельзя идти вразрез с мнением большинства. Я почему не люблю социальные сети? Там будут критиковать не мою идею – меня. Вспомнят всю подноготную, всю родню до седьмого колена, вспомнят все мои проступки вплоть до мокрого детства... где, что на горшке сделал не так... «Ребята, я ж только высказал идею, критикуйте её...» Куда там!..

Для меня портрет отца и в те далёкие, советские времена перевешивал по значению портрет Генерального секретаря ЦК КПСС. Генеральный

секретарь даже понятия не имел, существуют ли я на свете, а отец за меня молился. В детстве он частенько наказывал меня по жалобе педагогов, хотя я был отличником.

– Пререкается с учителями!

– Как смел?!

Если бы учитель среди бела дня сказал моему отцу: «На дворе ночь» – он бы подтвердил: «Учитель прав! Солнце зашло». Жалоба учителя, в понимании отца, была столь тяжким грехом, что он выносил суровый приговор, который обжалованию не подлежал... А сегодня жёсткие правила учебного заведения, ведомственные инструкции требуют с детьми сугубо деликатного обхождения: не ругать, голос не повышать, из класса не выгонять, в угол не ставить, по заднице не шлёпнуть – что ты?! Это, мол, травмирует ребёнка. Разрешается хвалить, заигрывать: «у-ти, у-ти!», излагать материал – и всё. «Главное – прокукарекал, а там хоть не рассветай!..»

Люди моего поколения боялись, не дай бог, об их неблагоприятном поступке узнают родственники, соседи, односельчане, передадут отцу. За этим следовало неизбежное наказание, без выяснения правоты: старший всегда прав! А сегодня немногие отважатся сделать замечание родному племяннику... Раньше даже в страшном сне не представить, чтоб родители боялись нас, в том числе физически! А сегодня страшатся расправы со стороны своих собственных детей. Появилось новое течение ислама: салафиты призывают не подчиняться родительской воле, решению отца, не исполнять адаты. Всё национальное подвергают переоценке, уценке, осмеянию: «Родители не правы, они живут не так, молятся не так и не тому, руки держат неправильно, ноги криво, ходят, сидят, спят, принимают пищу, делают детей, дышат – всё не так!» И многие побаиваются своих сыновей, опасаются за здоровье, за жизнь...

– !

Мне горько, что «салам алейкум»
подчас звучит как «Hande hoch!».

– Мне тоже горько...

Сейчас продвинутые ингушские невесты у предполагаемого жениха узнают заранее: «У вас дома мебель старая есть?» В переводе с молодёжного сленга сие означает: живут ли с тобой мать, отец? Не осталось ничего святого!

– В Дагестане был случай: пацан ушёл «в лес» и получил для проверки первое задание – отрезать голову отцу, бывшему сотруднику милиции. Сынишка добросовестно исполняет поручение, снимает

казнь на мобильник и, довольный, счастливый, выкладывает видео в социальные сети...

– Так можно зайти далеко. Нужно авторитет отца восстанавливать. И я бы горячо приветствовал появление в каждой республике, каждой столице Проспекта отца.

Я тоже двумя руками «за!».

А вы?

МУЖ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Хабар

*Спрашивай не у того, кто долго жил,
а кто много повидал.*

Ингушская пословица

«Муж учительницы» – ранг почётный, миссия особая...

Моя мама преподавала русский в национальной карельской школе. Я – в теме... Изнутри насмотрелся, как непросто пришлось батюшке идти по жизни под ручку с «учительшей». Потому, когда председатель горсовета Малгобека Шарапудин Мамилов заикнулся на эту тему, я сделался само внимание:

– Учительница – мужу не жена, детям – не мать, матери – не дочь, сноха – никому, – перечислял обречённо Шарапудин, бросив руль.

– !.. Смотри за дорогой!

– Личной жизни нет. На кухню придём кушать – она со своими портками: стопкой тетрадей, планов – убегает в зал; мы покушали – возвращаемся в зал – она со своим шмотьём – на кухню. Жизни нету. Единственное свободное помещение – туалет, где можно ещё посидеть, пофантазировать, – остальное всё занято бывает. Из школы уходит последней... Я в треть голосу скандалило: «Как так можно? У тебя мать, у тебя дети, муж, в конце концов... иди домой...» Нет. Ответственная баба такая. Не знаю, к чему это приведёт...

Работник образования в семье – привилегированный человек. Как инвалид! – горячился Шарапудин. – Слово у человека сахарный диабет... Его нужно оставить в покое, за ним ухаживать, угождать, все прихоти исполнять. Здесь с кондачка не возьмёшь, требуется подход серьёзный. Ночью в три часа просыпаешься: сидит под лампой – тетради проверяет, таблицы чертит, к проверке готовится... Вариант «а», вариант «б». Это не жизнь, Александр. Да ещё при такой зарплате мощной... Издевательство. Причём заметь: она не одна работает на Министерство образования – вся семья. Я с отличием окончил эконо-

мический, в силу своей должности слежу за политической ситуацией и, когда намечается классный час, узнаю первым. Могут ночью разбудить, вразброс задать вопросы по общественно-назначению: кто у нас возглавляет Конституционный суд? Когда выборы в Государственную думу? По какому принципу идёт отбор кандидатов? Есть ли одномандатники?

Откровенно признаюсь тебе, Александр, сложно соответствовать статусу «муж учительницы».

* * *

Сложно?!

Я и верил Шарапудину, и сомневался в искренности его слов. Разве для него может быть что-то сложно?! Род Мамиловых состоит исключительно из людей талантливых. Да, возможно, генетика причиной всему. Знаю лишь одно: Шарапудин – герой. Настоящий герой, каких встречал мало.

– Случилось это в 1997 году, 17 октября.

Ингуши и чечены создавали интернациональные бандформирования, время плохое. Приехали ночью на дом, вызвали брата. Я сразу почувствовал недоброе, вышел сам. За грудки схватили:

– Ты Шамсудин?

– Я. Что нужно?! Ру-кии!..

Отметелили, забросили в машину...

Лежу на заднем сиденье, думаю: «Ликвидируют, понятно. Меня не будет, но ведь машина останется... Каким образом дать знак брату, что я был здесь? Какую оставить зацепку, ниточку, потянув за которую с помощью Всевышнего, найдут этих собак и накажут». Тайком отрываю карман у рубашки: «Брат Шамсудин, когда найдёт мой труп, обнаружит: «Карман оторван. Почему? Где хлепеть? Куда делся?» Будет искать. Найдёт машину, обыщет и обязательно найдёт от меня весточку – оторванный карман. Брат поймёт: в этой машине заложником был я. Лоскут запрятал под полук, под уплотнитель...»

Не знаю, как ещё сообразил в той ситуации? Как просчитал?... Видно, хотел бандитов наказать сильно-сильно. Куда везут – непонятно... На яме тряхнуло... Машина клюнула носом: чувствую, шаровая накрылась... Дальше на такой машине не двинешься. Меж собой откровенно толкуют, понимают, со мной им не уйти. Последнее, что слышал: выходят из салона и... очередь в упор.

Очнулся, никого нет...

Лежу в липкой кровище, нога перебита, в боку жжёт. Тишина. Выполз из машины, кое-как дополз до дороги, там меня и подобрали. Три года операции одна за другой... Три года по госпиталям, больницам... Потом стал усиленно, интенсивно

заниматься физкультурой, встал на ноги... Одного из тех людей я тогда узнал: и потихоньку, одного за другим, нашли всех. Дело вроде к суду. Заседания первой инстанции Верховного суда назначили в Назрани. И вдруг дело разваливается на глазах... Свидетели от своих показаний стали отказываться, машина, в которой меня расстреливали, вещдок!, вроде стояла в РОВД – на ней уже следователь колесит по городу. На вещдоке!.. А бандюганы на суде хором:

– Не было ничего! Мамилов с ума сошёл, шизанул-ся! Ему прирезилось.

Я в ответ – ходатайство:

– Давайте сделаем выездное заседание, и я докажу, что именно в этой машине меня расстреливали. Вещи мои к делу приложены? Приложены.

Пригнали машину.

– Рубашка, в которой был в тот момент, – прострелена, отверстия совпадают с ранами. А почему рубашка без кармана? Кто оторвал? Куда он делся? Не знаете?! Я умышленно его тогда оторвал, и лоскут сейчас находится в этой машине, которая, как вы заявляете, не имеет никакого отношения к делу.

Стоят, глотают воздух, переглядываются.

– Откройте заднюю дверку... достаньте под полук, под обшивкой окровавленный карман, приложите.

Нашли лоскут, приложили к рубашке – точно.

Следователь нехотя:

– Да, парень действительно был в этой машине.

Дело было громким. Мрачная история...

Одному дали десять, другому одиннадцать лет.

Только по нашим горским обычаям, даже если ты срок отсидел, к сатисфакции это не имеет никакого отношения. Кровь за кровь! Однако в республике нужно было как-то останавливать бандитизм, волну насилия. Мы собрали совет тейпа, и отец вынес непопулярное решение: «Кровную месть не объявлять, врагов простить». Вопрос закрыли.

* * *

В 92-м сюда хлынуло население из Северной Осетии, шестьдесят тысяч, потом из Чечни... Забито было всё. Представь, в городе Малгобеке население утроилось. Люди, люди, люди... кругом. Не выйти, не пройти... в магазинах давка, в автобус не забраться. В городе не протиснуться: беженцы, беженцы, беженцы...

И воцарился в Ингушетии беспредел.

С наступлением сумерек никто никуда не выезжал – небезопасно. Уж не говорю, когда стемнеет. У каж-

дого водителя на палке – зеркальце: перед тем как сесть в машину, тщательно днище осмотришь, не установлена ли мина – «техосмотр по-кавказски!». На улицах – ни одной милицейской машины – все отсиживались в РОВД, заняв круговую оборону. Машины ГАИ обстреливали, взрывали, сотрудников убивали. Рядом с нами поселковый отдел милиции, гражданские люди, инициативная молодёжь ходила поддержать этих ребятишек. У тех ни оружия нормального, ни бронжилета. А 22 июня у нас в республике двойной траур – мало того, что эта дата – начало страшной войны, так ещё 22 июня 2004 года город Назрань был полностью захвачен басаевской бандой, сто сотрудников расстреляны в упор: министра внутренних дел, прокуроров, оперативников... – сто сотрудников в один день! И день-то выбрали какой. Это был ужас³⁵...

Терпеть беспредел сил уже не было, но кардинально ситуация изменилась к лучшему, переломили хребет бандитам только при Евкурове. Он доказал: бандитов, оказывается, можно побеждать. А ведь сам чуть не погиб в теракте. Машину взорвали, восстановлению не подлежит, его врачи собрали по частям. И даже после этого он не спрятался за спинами силовиков. Къунах!

Непонятное что-то творилось... Ситуацию можно было исправить только личным примером. Он созвал комиссию по примирению, подключил к этому делу авторитетных людей, создал Совет тейпов. Полная прозрачность всех действий, гласность, доступность. Номер его мобильного есть у каждого ребёнка... У нас, когда закрыто и что-то скрывают, тихорят – сразу возникает недоверие, сразу начинают подозревать во всех смертных грехах. А он постоянно в дороге, в разъездах. В Москву летает не каким-то служебным самолётом – обычным гражданским рейсом. Стюардесса объявляет: «Уважаемые пассажиры, у нас на борту находится глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров. Желающие могут подойти, задать вопросы». Клянусь матерью, сам видел!

Он – наша яркая фишка, козырная карта!

Он перевернул представление народа о власти.

Понятно ведь, без поддержки местного населения воевать в лесу невозможно. Родственников предупредил: «Кто отнесёт бандитам корку хлеба, бутылку воды – голову оторву». И все знали: не шутит. Миндальничать, заигрывать с убийцами прекратили. Жёсткий военный подход. Задней скорости у него нет. И потихоньку ситуация... начала выправляться. Зачастую ведь люди по какой причине брали в руки оружие – недовольство властью зашкаливало: правду не найдёшь, до чиновников не достучишься. Все работали на себя... гребли, как мотыга... И друг

власть повернулась лицом к народу. Зажравшихся чинуш он под зад пинком, турникеты, решётки снёс, заставил вести приём населения. А в ответ население, весь народ от мала до велика не побоялся подставить своё сердце под пули врагу.

Семиклассница Залина Арсанова спасла младшего брата от пуль, закрыв своим телом.

Президент Российской Федерации Владимир Путин вручил ей медаль «За отвагу».

Мне было неловко набирать эти строки: девчонка смогла, а я бы смог?..

КОРРЕСПОНДЕНТ «ИНТЕРФАКСА»

Хабар

Войну остановит лишь война.

Ингушская пословица

Шамсудин Боков.

До того как его назначили главным редактором республиканской общественно-политической газеты «Ингушетия», он успел поработать пресс-секретарём президента. А начиналась его карьера в журналистике с агентства «Интерфакс».

– В горячие годы мне повезло быть в эпицентре всех значимых событий. В 2004-м Ингушетии приходилось нелегко: ежедневные обстрелы, подрывы, охота на сотрудников милиции, духовных лидеров... В воздухе висел, не выветриваясь, едкий запах пороха... Опасность подстерегала всякого, кто открыто нёс слово правды, публично озвучивал гражданскую позицию. Эти люди – под прицелом. Но журналисты – циники по жизни... Не то чтоб бесчувственные, просто, когда вокруг каждый шаг, каждый миг – горе, страдание, беда, начинаешь привыкать к опасности. Начинаешь оценивать события объективно, как бы отстранённо. Словно опасность лично тебе не угрожает. Время тяжёлое... Время, когда вечером населённые пункты вымирали – ни души. Даже милиционеры на улицу носа не казали. Каждый опасался за свою жизнь, но когда опасно сегодня, завтра – инстинкт самосохранения, чувство опасности притупляются... Требовалось как ни в чём не бывало освещать чрезвычайные происшествия... освещать оперативно. Вроде бы к этому моменту была изобретена мобильная связь, Интернет, а на практике узнать новости по телефону невозможно. Выезжай на место... в ночь-полночь, в непогоду, болеешь, нет... десятки километров пешком до места происшествия. Помогали друзья,

неравнодушные, ответственные граждане, которые подсказывали, информировали:

– Шамсудин, ты в курсе?

– Нет. Спасибо, что поставили в известность, выдвигаюсь...

Зачастую прямо на месте события, с фонариком на коленке готовил материал, по телефону передавал в Москву. Информационное агентство «Интерфакс» – подразделение боевое. Многому там научился...

Когда в горячей точке родился, живёшь и работаешь – учёба движется быстрее.

Во время проведения силовых операций мы неотступно следовали за бойцами вторым эшелоном, не высываясь вперёд, но и не отставая. И был один рабочий момент, который запомню навсегда... хотя всё продолжалось секунд тридцать – перед глазами жизнь пробежала...

Это случилось в 2005 году, в Назрани, недалеко от гостиницы «Асса», где вы жили, – там частный сектор. Силовики проводили очередную операцию: ликвидировали боевиков, заблокированных в частном доме. Информации никакой. Обычно как: слышу отчаянную стрельбу – выдвигаюсь туда, ближе к месту происшествия. Другого источника получения оперативной информации нет. Гражданское население бежит сломя голову прочь – я поступаю с точностью до наоборот. Это было время, когда между спецслужбами никакой координации: даже милиция понятия не имела, что делает ФСБ, и наоборот. А мне информация требовалась любой ценой, информация в режиме реального времени. Просроченные, вчерашние факты не интересовали никого.

Добираюсь... Мой коллега и большой друг – собкор ИТАР ТАСС Руслан Майсигов – уже на месте. Конторы у нас с ним вроде бы и разные, а задачи – одни. Мы друг другу помогали, всегда плечом к плечу. Стрельба неожиданно закончилась, бойцы «Вымпела», «Альфы» сели на БТРы, умчались – интервью никто никогда из них не давал.

Мы остались вдвоём. А как узнать, что конкретно произошло? Сами вперёд, на ощупь... стали приближаться к дымящимся развалинам. Идём, считаем трупы, фотографируем... У разрушенного двухэтажного дома разделились: он – направо, я – налево. Смотрю, из подвального окна соседнего дома выглядывает ребёнок... Не плачет, не кричит – в ужасе молча смотрит на меня. Дверь снаружи подпёрта металлической лестницей, дом наполовину разрушен... стены в осколках, крыши нет. «Странно! Обычно гражданское насе-

ление перед началом обстрела выводят далеко за пределы».

Убираю лестницу, открываю дверь, захожу в подвал, а там семья: бабушка, мать и четверо детей – ВСЕ СЕДЫЕ!..

Мать, сбиваясь, рыдает-мычит:

– Спали... зашёл мужчина в маске, приказал всем лечь на пол... Потом четыре часа – сплошные взрывы...

Я про работу не забываю: фотографирую, пишу рассказ на диктофон, помогаю им выбраться на улицу, передаю под опеку Русуку, сам иду дальше... за дом... Запашина горелого мяса с ног сшибает... Продолжаю считать трупы: в сводке ведь нужно сообщить точно: сколько уничтожено бандитов в ходе спецоперации. Ни в ФСБ, ни тем более в милиции этих данных не дадут. Я стою на пожарище, готовлю по свежим впечатлениям сводку и... чувствую под ногой что-то горячее... жжёт что-то... Глаза опускаю и вижу: стою на раскалённом неразорвавшемся артиллерийском снаряде 122 миллиметров. (Обычно боевики использовали их для закладки фугаса: капсюль снимают, вместо него шнур с механизмом управления – мина готова. Мина огромной разрушительной силы...) Я блокнотик нежно – в нагрудный карман, оплавленный кроссовок осторожно приподнимаю... делаю шаг в сторону, второй...

Понимаю: сейчас рванёт.

Снаряд лежит прямо на жарких углях...

Бессознательно ныряю в сторону, перекатываюсь кубарем и, пригнувшись – к воротам. Только успел добежать до Русука, повалить детей на землю – мощный взрыв!.. Нас оглушило, засыпало обломками кирпичей, чёрной гарью. На том месте, где стоял их дом, подвал... откуда буквально десять минут назад выбрались дети, на месте двора, где записывал в блокнот информацию, зияла одна сплошная воронка.

Это сейчас так излагаю всё последовательно, гладко, логично...

Потом уж, задним числом, выстраивал цепочку действий... когда всё было позади.

В тот момент не думал...

Некогда было.

УЖАС-БЕК

Малумат

*Гнездо орла всегда пахнет железом.***Ингушская пословица**

Валентин Крыжановский, бывший полковник ГРУ, припомнил к слову:

– В 1987 году в десантном училище я был командиром взвода. КПСС тогда являлась руководящей и направляющей силой общества, инакомыслие строго каралось. Однако, несмотря на власть коммунистов, был один курсант, старшина роты, у которого были коврик, исламка и который как ни в чём не бывало делал намаз. Ни замполит, ни командир не упрекали его – уважали за искреннюю веру. Веру – не в угоду моде.

Фамилия курсанта была Евкуров.

* * *

Криминал – уменьшительно-ласкательный термин той силы, которая безраздельно властвовала к моменту избрания его на должность президента Республики Ингушетия. Фактически шла гражданская война... Война в разных фазах, с разной интенсивностью... Кровавая, беспощадная. Только за период с 2006 по 2012 год в Ингушетии убили 341 и ранили 794 сотрудника силовых ведомств.³⁶ И тут президентом Ингушетии становится он.

Юнус-Бек Баматгиреевич Евкуров.

Служил в ВДВ. Принимал участие в контртеррористических операциях на Северном Кавказе. Рассказывают, в частности, как отряд подполковника Евкурова, выполняя одно из заданий по разведке местности, обнаружил и вызволил из чеченского плена двенадцать российских военнослужащих. В 99-м Евкуров находился в сербо-боснийском городе Углевик в составе российского контингента в Боснии и Герцеговине под эгидой SFOR. В мае 1999 года группа под его командованием в составе восемнадцати бойцов ГРУ тайно проникла на территорию аэропорта Слатина и фактически контролировала объект до подхода десантного батальона. Все обстоятельства данной операции засекречены до сих пор. 13 апреля 2000 года Юнус-Беку Евкурову присвоили звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда» – за бросок на Приштину российских десантников.

По мнению и друзей, и недругов – именно он переломил хребет бандитам в Ингушетии.

Враги его называют не Юнус-Бек – Унзар-Бек – Ужас-Бек!

Такой комплимент заслужить непросто.

Враги его ненавидели люто... да и сейчас.

22 июня 2009 года на президента Ингушетии совершили покушение. При проезде президентского кортежа в микрорайоне Центр-КамАЗ города Назрани машина сопровождения попыталась отеснить автомобиль «Toyota», медленно двигавшийся по обочине трассы; водитель автомобиля совершил манёвр и въехал в середину кортежа; вскоре прогремел взрыв. В результате один из охранников скончался на месте; президент Евкуров и ещё два человека госпитализированы с ранениями различной степени тяжести. Состояние Евкурова характеризовалось как тяжёлое. Однако уже в августе он вернулся к исполнению обязанностей президента Ингушетии. Не поддался эмоциям, не испугался, не струсил, не обозлился, не стал, как это предписано ингушскими адатами, вершить кровную месть, а стал налаживать гражданский диалог: «хождение президента в народ», опубликование им номера личного телефона, созыв чрезвычайных органов народного представительства (сходы родов, советы старейшин, всенародные съезды) – далеко не полный перечень нестандартных мер, призванных восполнить недостающий авторитет официальных институтов власти. Президент РИ Юнус-Бек Евкуров работал на износ, спасая жизни и души молодых ингушей, не стеснясь заниматься работой, совсем не свойственной президенту.

Легенды про Евкурова складывались не на пустом месте...

Наглядный тому пример – совершенно уникальный в практике антитеррористической борьбы на Северном Кавказе случай, произошедший в ночь на 28 января 2010 г. в станице Троицкой. Накануне вечером сотрудники ингушской милиции в ходе оперативно-разыскных мероприятий, проводившихся по факту обстрела милицейской «Газели» и гибели милиционеров, блокировали боевика. Заметив во дворе вооруженных людей в масках, тот бросил в их сторону гранату, затем открыл огонь из пистолета. Сотрудники милиции вызвали подкрепление и открыли по дому ответный огонь. На место выехал президент, штурм дома приостановили, а потом... Юнус-Бек Евкуров... сам!.. пошёл на контакт с террористом, убедив того сдаться.

Довелось мне знаться с разными руководителями, но ничего подобного не слыхивал...

В эксклюзивном интервью телеканалу RT он заявил, что готов пойти на переговоры с террористами, если это сможет спасти хотя бы одну жизнь. «Главным стратегическим направлением нашей политики... было и остаётся проявление доброй воли к тем, кто отступился от закона, стремление к убеждению и склонению их к отказу от участия в преступных сообществах, бандгруппах, от осуществления террористической деятельности и пособничества в этом», – подтвердил Евкуров в специальном обращении к соотечественникам 8 февраля. «Цель не убить, цель – убедить» – так он сформулировал задачу правоохранительных органов на одном из совещаний.

Именно благодаря открытости, честности Юнус-Бека Евкурова Ингушетия сегодня, как никакой другой регион Северного Кавказа, живет насыщенной общественной жизнью. налажен постоянный тесный диалог между обществом и властью. И неслучайно Евкурова признали «человеком 2009 года» по версии журнала «Эксперт», а также вручили престижную премию Фонда Андрея Первозванного «За Веру и Верность».

Евкуров по-военному решительно разрубил гордиев узел кровавого территориального спора. Муниципальная реформа, проведенная осенью 2009 г., зафиксировала существующее административно-территориальное размежевание с Северной Осетией и сделала невозможными дальнейшие территориальные тяжбы с соседями. Сегодня обстановка в Ингушетии нормализовалась. Обойдя республику вдоль и поперёк, побывав в каждом селе и горном ауле, я убедился в этом лично. Глава Ингушетии не без гордости подчеркнул, что безопасность в республике больше не является большим вопросом.

А я, нарушив все каноны интервью, не вопросы задавал легендарному Унзар-Беку – откровенно признался ему в своих симпатиях.

СВАДЬБА

Малумат

А где-то свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала;

И крылья эту свадьбу вдаль несли.

Широкой этой свадьбе было места мало;

И неба было мало, и земли!

Р. Рождественский

На центральном перекрёстке Малгобека Махмуд резко затормозил, не поехал на «зелёный»:

– Ты чего?

– Пропустим свадебный кортеж.

– Как ты определил, что свадебный? У нас хоть на

капот машины куклу бантами привязывают, а здесь?

– Видишь поток машин по встрече? Стрельбу слышишь?

Действительно, по участку с односторонним движением нам навстречу, непрерывно нажимая на клаксон, летели джипы.

– Сейчас за стрельбу в свадебном кортеже выписывают штраф. Особо законопослушные джигиты оплачивают его заранее, чтобы саму церемонию ничем не омрачать.

Теперь я отчётливо слышал хлопки: горец, сидя за рулём джипа, стрелял в воздух из пистолета и что-то заодно кричал.

– Ингуши по натуре люди скромные, замкнутые: если нам плохо – знают лишь врачи, если хорошо – милиция.

– Вижу...

Я мечтал попасть на ингушскую свадьбу.

В Ингушетии, в отличие от Дагестана, свадебные обряды претерпели нешуточные изменения. Несколько лет назад по инициативе главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова старейшины и духовенство приняли решение: положить конец кражам невест. Теперь ни один имам не пойдёт освящать подобный брак, ни один старейшина не решится на примирение – серьёзный штраф с жениха, с его кунаков. Штраф, конечно, не остановит, но вот строгость, системность, единость – преграда серьёзная. В итоге сегодня адат умыкания невест, неукоснительно соблюдаемый веками, практически искоренён. Кража невесты вызывает смех только в фильме «Кавказская пленница». В реальности всё не так забавно... На практике – стрельба, трупы, многолетняя вражда, кровавая месть, полиция, ФСБ... и вещи проклятия. Запрет – знаковое решение, влияющее на положительный имидж республики. Удалось в одночасье остановить бушующий горный поток! А в любимом Дагестане воруют красавиц по сей день!

И ещё, в отличие от Дагестана, в Ингушетии браки между двоюродными, троюродными братьями-сёстрами, близкородственное кровосмешение, запрещены категорически.

– Махмуд, как попасть на свадьбу?

– Придумаем что-нибудь. Хотя тебе это мероприятие едва ли приглянется.

– ?..

– У нас на свадьбе: гости – за столом, невеста – в углу, жених – у друзей, тёща и тесть – за порогом. Ингушская свадьба для русского непривычна: без танцев-жманцев, без песен, выпивки, «горько», порванной гармошки, тостов... без брачной ночи.

– Так вот кто придумал «комсомольскую свадьбу»

бу»... В конце восьмидесятых я угодил как раз на такую.

– Есть любители выпить и у нас – представители старой, коммунистической закваски – им накрыто в отдельной комнате, подальше от глаз. Ингушская свадьба: прибыли, деньги принесли, покушали от пуза, вкусно, на невесту поглазели и – по домам. (А невеста, бывает, сутки стоит, стоит в углу, сознание теряет и падает с грохотом, точно зрелая груша, – единственное развлечение гостям!) Остряки предлагают вывешивать чёрный флаг на ингушских похоронах, чтоб они хоть чем-то отличались от свадьбы.

Свадебный обряд у нас многослойный, начинается исподволь – с подбора невесты, со сватовства... Успел, небось, заметить: ингушские традиции очень строги, особенно это касается отношений мужчины и женщины. Юноше категорически запрещается притрагиваться к девушке, под любым предлогом. Недопустимо абсолютно! Даже заговорить можно только в особой, подконтрольной ситуации. Но род бы прекратился, если б не придумали способа выхода за рамки запрета. Лоузер – шуточное сватовство, которое зачастую потом переходило в настоящее. Не путать с «лузером». Сейчас время такое необычное: старые традиции и новые технологии встретились на узкой дорожке... Я присутствовал на виртуальной свадьбе: жених в момент свадебной церемонии находился за границей и наблюдал за происходящим по скайпу.

* * *

На свадьбу настоящую, ингушскую, я таки попал.

Невесту доставляли в Ингушетию из Казахстана. Однако писать о божественном ритуале трудно. Нужно видеть, участвовать самим... Впечатления, ощущения от текста, фото – не те.

Это как первая брачная ночь... по скайпу.

Мне показался интересным рассказ о сватовстве Султана Батырова.

Без него представление читателей об этой сокровенной стороне ингушской жизни будет однобоким, куцым.

– Например, я хочу женить сына на вашей дочери, присылаю гонцов. Вы их принимаете, выслушиваете, берёте срок для дачи ответа и начинаете изучать, поднимать всю подноготную.

– «Пробивать»?

– Да. Оценивают моральный облик кандидата, тейпа, не было ли за последние века с этим родом конфликтов, кровной мести... Всё кропотливо изучается, прежде чем дать ответ. Невеста должна про-

демонстрировать полную покорность свекрови, свёкру, если она не умеет вести себя скромно, если она бесстыжая – это уже не невеста. Для ингуша выбор подруги жизни – дело крайне ответственное, серьёзное. Однако подходить к этому делу излишне мрачно, без юмора – не рекомендуется. Непродуктивно! Однажды из нашего села поехали свататься, и что-то у них там не срослось, не сладилось – родители девушки отказали. Возвращаются с пустыми руками, а их родственник возьми да ляпни:

– Если б нормальных людей послали, отдали бы.

– А мы, значит, по-твоему, «ненормальные»? Посмотрим, что ты сделаешь.

Слово за слово, слово за слово – пришлось ехать тому.

Он в смятении, потный забегает к нашему отцу:

– Маги, выручай. Загнал свой язык в топи болотистые, без твоей помощи мне его оттуда не вытащить.

– Что случилось?

– Вах! Похвастался, что могу сосватать невесту, высмеял сватов, теперь отправляют меня. Что делать? Если девушку не отдадут, в тейпе житья не будет.

– Как её фамилия?

Он назвал.

– Поехали. Отец её – мой друг по молодости, в Казахстане в ссылке вместе бедовали.

И правда, там как увидели отца, согласились отдать девушку сразу – не гонять два раза (обычно сватовство и выдача невесты – два совершенно разных, отдалённых друг от друга по времени, хлопотам мероприятия). Но даже «ускоренная» процедура нескорая: пока мулла прочитал молитвы, пока уговорами, пока добирались назад... Во дворе жениха уже все на нервах: сваты не возвращаются. Собрались представители всего тейпа, недовольно галдят: «Что случилось? Куда пропали?» И тут сваты заходят во двор, да не с пустыми руками – с невестой.

А ростом они оба маленькие-маленькие...

У родственников жениха сразу рожи деревянные: им не отдали, а каким-то двум коротышкам уступили, да ещё сразу выдали.

– Как вам удалось?

– Они решили, что мы на коленях стоим, – сжалились. Под руки нас пытались поднять: «Вставайте, вставайте, ваша просьба будет удовлетворена!»

Хохот... гогот...

Отец не боялся иронизировать над собой. Отец был мудрым человеком, умел шуткой сгладить острые углы. Он не стал обострять и без того взрывоопасную ситуацию: «отдали не потому, что мы лучше вас, – вовсе нет! пошли навстречу, потому что думали, стоим на коленях, – пожалели». И сразу были

умиротворены, удовлетворены даже те, которым отказали – ведь они-то не унижались, стоя на коленях. Нет, без юмора нельзя братья за сватовство. В случае отказа только и остаётся иронизировать над собой.

А вот свежий случай: украли невесту, на выручку выбежал брат. Девушку-то похитители запихнули в машину, с места рванули... а жениха в суতোлке забили. Он злой, психованный, хватает камень, в ярости кидает вслед, рвёт волосы, прокликает похитителей. Брат с благодарностью обнимает его, утешает, отряхивает грязь с одежды, не слушая возражений, ведёт благородного юношу – отважного защитника сестры – в дом, представляет отцу, угощают дорогого гостя. Только на следующий день отец узнал, кого потчевал... и сразу, не раздумывая, дал согласие на свадьбу: «Такой находчивый джигит из любой передраги спасёт семью».

СВАХА

Хабар

Коршун нёс в котях куропатку, а она кричала:

«Я за него замуж выхожу!»

Ингушская пословица

– Махмуд, а ты как подбирали жену?

– Строго по науке... После армии устроился мастером швейного комбината в Назрани, вскоре назначили начальником. Коллектив – одни бабы, больше ста человек. Три категории: замужние, незамужние, разведённые. Я тогда холостой был... Девчонки сильно в меня влюблялись, но романы с ними не крутил – в Ингушетии находимся. Потом думаю: «Чё я сижу сложа руки, начну-ка изучать женскую психологию. Как говорится, пользуясь служебным положением». Там склад готовой продукции, между складом и цехом – столовая. Перегородка тоненькая из ДВП. А бригадирша у меня была преданная... Пытай-расстреливай – не сдаст. Не замужем, я с ней крепко дружил и ладил. Вызываю её к себе в кабинет и поручаю:

– Зухра, возьми одну замужнюю, одну незамужнюю и разведёнку.

– Зачем тебе?

– Слушай, не перебивай! Предложи им в столовой попить чай, но садитесь обязательно за тот столик, который стоит у перегородки.

– Что придумал?!

– Не перебивай, говорю... Заведи разговор о замужестве, о мужиках, дихон. Хочу подобрать себе невесту. Поняла?

– Поняла, поняла...

Сам иду за перегородку, сажусь на баулы – заранее приготовил – устраиваюсь поудобнее, жду. Слышу, пришли, стульями елозят, рассаживаются, наливают чай, и бригадирша начинает:

– Аза, ты замуж-то когда?

– Аза, не ходи! – перебивает разведёнка.

– Почему? – девичий голос тонкий, удивлённый.

– Да все мужики дураки! На уме одно. Что ни делай, им не угодишь. И главное, тебе нельзя ничего, им можно всё! И ещё оправдание найдут в книгах... Знала бы, никогда не вышла.

– Может, тебе просто не повезло?

– А кому повезло?!

– Мой вроде ничего...

Это замужняя! – угадываю я по голосу... Эсет.

– Бывает, конечно, повздорим – не без этого, но быстро миримся. С ним главное не спорить. Потом потихоньку-помаленьку делай как знаешь.

– А часто пристаёт?

– Часто... – смеётся Эсет. – Вечером хоть поздно приедет, всё равно сигналил, сигналил... сам ворота никогда не откроет – вид не сделаешь, что спишь. Иду встречать и, бывает, не разуваясь, тащит в спальню... На ушко шепчет: «Телу – время! Потехе – час!» Уверяет, что это ингушская пословица.

– А больно?

– Только первый раз. Потом приятно... У него ещё вторая жена, мы сперва с ней всё отношения выясняли, но он предупредил: «Не прекратите грызню, возьму третью жену, вас закрою. И ни копейки вам, ни удовольствий не будет». А как дети пошли один за другим, нам уже стало не до склок...

Я сижу, всё слушаю, анализирую... Не ради любопытства – с познавательной целью.

– Свекровь как относится, свёкор?

– Уважают, подарки дарят.

– А у меня подружка замуж вышла, свёкор вечно недовольный, вечно орёт... Она два дня не решалась в туалет сходить, никак освоиться не могла – терпела.

– Поначалу и у меня было всяко, сейчас живём отдельно – проблем нет.

– Боюсь.

– Чего...

– Украдёт какой-нибудь абрек в рабство, в гарем, и реви потом всю жизнь...

– Это как повезёт.

И чешут, и чешут языком. Советуют молодухе:

– Сразу не поддавайся, а то подумает, что до него уже с кем-то была... Ревновать станет.

Порой еле сдержишься, чтоб не расхохотаться...

На другой день бригадирша следующую тройцу подтаскивает:

– Пойдёмте, попьём чайку, пока начальника нету. А начальник уже на боевом посту!

«Тысяча и одна ночь», Александр, все эти сказки Шахерезады – скучное чтение по сравнению с моим онлайн-спектаклем. У каждой девчонки в голове особый мир! Хочется ведь пооткровенничать... Между нами, девочками, какие могут быть секреты? Одна ждёт принца на горячем коне, чтобы обязательно её украл: «Значит, настоящий кьунах! Значит, любит!» Другая верит, что отец подберёт ей достойного жениха... Пять лет я вёл эти научные наблюдения, коллектив ведь постоянно обновлялся, ротация шла. Благодаря этой исследовательской работе я подобрал себе хорошую жену. Знание женской психологии пригодилось и после женитьбы: помогал молодым найти друг друга.

– Сваха?

– Так выходит... Многих помирил, Александр. Полгода живут, год живут, дихон, потом или характерами не сходятся, или свекровь рассорит и молодуха убегает. Я мирил...

– Как?

– Выясняю, в чём конкретно проблема. Если не могут отделиться, даже квартиру им снимал... Денег не хватает на семью, помогал мужу устроиться на работу – знакомых у меня много, сам видишь! Бывает, муж в горячке ударит: ночью вызывают не милицию – меня. «Жена ушла из дому, дети маленькие, помоги вернуть!» Причины разные... Месяц назад парень женился на городской девушке, а у них скотины полон двор: овцы, коровы, куры, лошади. Она, как сноха, должна вставать первая, ложиться последней, вся живность – на ней, а она до замужества корову видела только по телевизору. Да ещё ребёнок появился... Мужу поставила ультиматум: или мы отделяемся, или ухожу. Муж просит: дай годик, будет свой дом. Она – ни в какую, собрала манатки – усвистала домой. Муж, свекровь, свёкор – по очереди ко мне:

– Помоги вернуть!

Я утром – к ней на квартиру, она с отцом жила. Звоню. Дверь открывают...

– Салам алейкум! К вам гости.

Впускают, делать нечего... Гости не имеют права не впустить. Я раздеваюсь, сажусь беседовать с отцом и – до отбоя, дихон, пока тот не начнёт клевать носом, из квартиры не ухожу: с ним кушаю, в шахматы играю, истории всякие рассказываю, он мне байки... О том, для чего пришёл фактически, – молчу. Никаких просьб, никаких уговоров вернуться... Я решил взять их измором... сесть на мозоль и не слезать, пока сами не

выбросят белый флаг. Один день закончился, наутро я опять у них. Второй день, третий, пятый...

Ровно неделя прошла.

Они уже стали побаиваться за мою психику... всё ли нормально. Но впускали, терпели, беседовали. Я с утра до вечера у них на глазах, сижу, улыбаюсь. Квартира двухкомнатная, а там ещё женатый брат с детьми... она с ребёнком, сестра... Протолокнуться невозможно! Табор! Потому утром уж я как сел на одно место, больше не двигаюсь. Целыми днями с этим стариком, за неделю закадычными друзьями стали. На седьмой... ровно на седьмой день старик дочку вызывает:

– Я тебя умоляю... Как отец... Хочешь, на колени встану... Если тебя будут обижать – заберу. Но остальное потерпи годик, прошу...

Ей деваться некуда.

Собралась, отвёз её назад к мужу.

Сегодня у них пятеро детей, живут отдельно в своём доме.

Живут – не нарадуются.

УСТАЗ ВОЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Хабар

Настоящий мужчина не имеет цены.

Ингушская пословица

Султан Батыров не просто тренер и учитель – Устаз вольной борьбы.

Устаз в том смысле, что воспитатель, спортсмен, тренер, духовный наставник – в одном лице. Он оказался тем самым тренером, которого Илез Даурбеков боялся больше отца, когда тайком сбежал на срочную службу в армию. «Если б я был Султан...» Опять я пытался на себя примерить выкройку его судьбы и... не смог. И ещё для меня осталось загадкой: я усердно тралил Ингушетию, а Султан едва не проскочил мимо... Факт. На слуху почему-то совсем другие люди... Вот на эту тему размышления самого Султана:

– Соседка собак держит. Собирался уходить от неё из гостей, она мне: «Сидеть!» – окриком и жестом, по привычке. Я-то остался стоять – плохо поддаюсь дрессировке – а все обычно исполняют команды. Кругом нужны люди зависимые, послушные.

Как православный верующий убеждён: сам Бог подарил мне встречу с Султаном.

Это рассказ о настоящем человеке.

Однако обо всём по порядку...

* * *

Вольная борьба

В спортивном зале города Малгобека, где мы встретились, на стене скотчем приклеена ксерокопия стенограммы заседания Совета по развитию физической культуры и спорта Российской Федерации от 9 октября 2014 года в Чебоксарах. Две строчки выделены жёлтым маркером: «Существует большая разница в обеспеченности спортивными сооружениями у разных субъектов Федерации: например, в Калуге 66 %, в Ингушетии – 8,8%».

– Я не поленился, – признался Султан, – сделал ксерокопии, раздал своим начальникам от спорта, чтоб в курсе были. Станут ли теперь утверждать обратное? Опротестовывать слова президента РФ? Обычно я захожу в республиканское министерство спорта и, подражая Маяковскому, декламирую:

*Долой футбол, долой хоккей
И всё такое прочее!
Я обожаю спорт иной,
Шары в штанах ворочая!!!*

Улыбаются...

Они – улыбаются, а я чуть не плачу.

Мы мусульмане, но у нас корты, бассейны общие. Естественно, девочки туда не ходят – они выпали из системы физической культуры. А им рожать... Это будущие матери, здоровье нации. У немцев поговорка: «Воспитывая мальчиков – воспитываем воинов, воспитывая девочек – мы воспитываем нацию». Зайди в любую школу на урок физкультуры: девочки в юбках до пят, длинных платьях сидят в сторонке, смотря, как мальчики по грязи мяч таскают. Физрук, как правило, родственник директора школы, не ведающий, что такое физкультура: в шляпе, с сигаретой во рту, в длинном плаще, в лакированных туфлях вместо кроссовок... Вот и вся физкультура. Во многих школах нет даже спортивных площадок, не говоря про залы.

Раньше послать спортсмена на сборы было проще. Сейчас юноше нужно не меньше трёх тысяч суточных. Мужика посылаешь – до шести тысяч. Суточные: питание, размещение, медицинский контроль. Отправить одного на две недели – 60-70 тысяч. А в коммунистические времена спортсмен 300 дней в году проводил на сборах. Коммунисты знали и как правильно кормить борцов: на столах оставались икра, изюм, курага – такое питание было у спортсменов. Естественно, вольника, шестой номер, можно было везти на Европу, и он выигрывал. От правильного, сбалансированного пи-

тания очень многое зависит. Китайцы у нас переняли... А сперва-то я, как все тогда, полагал: «СССР – тюрьма народов, КПСС – партия мракобесов, и сразу, как уйдут коммунисты, наступит рай. На другой же день». Надеялся на это.

Как в том анекдоте:

Самолёт только набрал высоту, в кабину заскакивает террорист:

– Кто командир корабля?

– Я.

Убивает, задаёт вопрос оставшемуся пилоту:

– Кто командир корабля?

– Ты.

– Молодец! Правильный ответ. Курс меняем.

Когда страхи улеглись, второй пилот спрашивает:

– Если бы я ответил так же, вы б меня убили?

– И тебя бы грохнул.

– А кто б тогда самолёт повёл?

– Я так далеко не думал.

Вот это как раз про ингушей.

Абсолютно никакой прозорливости... Что будет завтра? Никто не думал.

Я тоже кинулся в омут сломя голову и сегодня... сам видишь! сижу у разбитого корыта: обшарпанные стены, на них сантиметровой слой плесени. На днях заглянул к нам Евкуров, увидел, где тренируется сборная республики, – ошарашенный покинул зал. Основные спортсмены работают на этом порванном ковре... Нет никаких условий: ни выезда на соревнования, ни учебно-тренировочных сборов, ни медицинского контроля... Вчера, по итогам визита главы, нашпаренные, появились строители:

– Побелим зал.

– Закрасить плесень? Не разрешу. Сперва надо до штукатурки очистить, высушить, – это я специалистом объясняю, – им лишь бы замазать, лишь бы блестело. Они знают как надо, но тогда не останется себе. У нас если два ингуша встречаются, старше, младше – без разницы, – первый вопрос после традиционно протокольного рукопожатия, дежурных расспросов о здоровье, семье... задают такой:

– Работаете?

И если ты ответишь: «Да», второй вопрос непременно:

– Есть ли возможность дополнительно отжать? урвать? деньги сделать?

Иными словами, воруете ли ты?

Но ведь хотеть воровать мало, надо знать как. Учиться надо. Наши не учатся. В советские времена ингуши ездили на шабашки. Помню, в Краснодарском крае директор совхоза искал на работу главного бухгалтера и у каждого претендента спрашивал:

«Сколько будет дважды два?» Кто отвечал «четыре», тех не брал. Искал того, кто ответит: «А сколько нужно?» Мой друг предложил иной вариант. На вопрос «сколько будет дважды два?» ответил:

– Семьдесят четыре.

– Почему?

– Пятьдесят – мне, двадцать – тебе, четыре – государству.

Сейчас государству ничего не хотят оставлять, даже «четыре». А их отдать надо, эти «четыре». Из их расчёта всё остальное строится. Наши на папины деньги получили диплом, на папины деньги купили должность, «дважды два» у них получается только «три». И ещё эти «три» они тырят. Мне по душе четверостишие Омара Хайяма:

*Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блудолизов презренных попасть,
Лучше кости глотать, чем прельститься страстям,
За столом у мерзавцев, имеющих власть.*

Это моё кредо!

И когда остаёшься «сам на сам», всматриваешься себе в душу – чувствуешь: «прав». Я распечатал это четверостишие, раздал чиновникам от спорта – своего рода тест на порядочность. Не было ни одного, кто б не скривил рожу. Беда в том, что благодаря советской власти мы воспитали несколько поколений жуликов. У писателя Рамазана Цурова в рассказе «Край крайностей, или Кирпичи ингушского менталитета» есть забавный фрагмент: «Ингушский муниципальный чиновник так же уродлив и вороват, как и общероссийский, но отличается от него тем, что не занимается своими прямыми обязанностями вообще, если это не сулит ему какой-нибудь дополнительной выгоды, помимо зарплаты».

– Воронь-ёо-о – чиновничь-ёо-о-о, – в рифму радостно промурлыкал Султан.

– Мне встречались другие...

– Не знаю, не знаю... И ещё: если на большей территории страны действует только Конституция Российской Федерации, то в Ингушетии: Конституция РФ, ингушские адаты со времён Ноя, шариат, ибо мы – мусульмане, и веяние времени – воровской закон. Кто банкует, тот определяет: что в данный момент для него важнее, свою правду он найдёт полюбовно. А бедолага – как придётся...

– Как вам помочь – не представляю! Вам ведь нужен позитив?!

– Только позитив! И он есть...

– Какой?

– Вы – живой, невредимый! Пройдя все передыжки, исторические перипетии 90-х. (В нашей стране «жив» – уже подвиг!) У вас есть желание

работать. Глава республики лично интересуется вашей судьбой, делами, готов помогать. Целая череда плюсов. У вас сказочно-огромный авторитет среди молодых спортсменов. Всё это дорогого стоит... Этого не купишь, не достанешь по блату, не получишь по наследству... С вами Бог!

По всему видно, Султан не ожидал такого поворота и смягчился:

– В сентябре этого года исполнится ровно сорок лет, как получаю зарплату тренера. По осторожным, приблизительным прикидкам, через мои руки прошли тысячи воспитанников. Результаты на самом деле есть.

– Вот!..

– Может, просто настроение сегодня дурное... Когда расположение духа неважное, объясняю неудачи в работе плохой материальной базой, когда хорошее – своими недоработками. Ещё держу в поле зрения воспитанников из соседних регионов, сравниваю... Дагестанские ребята, борцы, очень работоспособные. Тренер заканчивает тренировку, уходит из зала – они одни, без понуканий, в два раза больше работают. Их министр спорта как-то признался: «Если сторож отдаст ключи от спортивного зала – тренер может не приходиться. Сами выберут себе старшего, сделают разминку, с усиленной нагрузкой отработают тренировку». Такие они... Здесь нет. Здесь так не прокатит. Здесь построил, дал задание... А что значит «дал задание»: предельно заострил внимание, несколько раз популярно объяснил необходимость именно этой программы, вышел в раздевалку или отвернулся – всё... Идрис залез на канат, Ахмед хочет достать ногами Микаила...

– Романтики? – предположил я.

– Центральная нервная система... Да, да... Центральная нервная система.

В исламе существует такое понятие «сабр». Одним словом не объяснишь – это терпение, стойкость, решимость, настойчивость, постоянство. Так вот этого «сабра» ингушам при делёжке недодали... И это объяснимо: нас постоянно то в ссылку отправляют, то заживо жгут, то по голове стучат тяжёлым... Не дают сосредоточиться, выковать постоянство.

* * *

Кирпичики ингушского менталитета

— Не понимаю ингушей, которые восторгаются своим дворянским происхождением.

– ?

– Да, сейчас некоторые с гордостью заявляют: «Мы были дворянами!» Чем кичатся? В Ингушетии никогда не было сословий. «Свободный независи-

мый ингуш» – какой статус может быть выше этого? У нас был институт уважаемых старцев «большие люди». Вот эти «большие люди» решали всё. После присоединения к России общественный институт исчез, потерял своё значение. Старцев заменили люди служивые, назначенные царём, – не выбранные. Уже к ним стали обращаться. А что такое «дворянин»? – человек при дворе у князя, у царя. Плебей! Зависимый от властителя человек, козырная, но «шестёрка». У древних ингушей – Совет старцев – Мехк Кхел, который выбирался самим народом и распускался самим народом. Их решения не обсуждались – выполнялись. Хотя у них не было аппарата подавления, не было милиции-ОМОНа, чтобы навести порядок. Единственный рычаг – увещание. Однако и тебе самому нужно было жить в обществе, поэтому ты вынужден был исполнять решение Совета страны, чтоб не стать изгоем.

Но ингуши пошли за большевиками, свергли царя. Ингуши поддержали советскую власть массово. Безоговорочно.

Я не знаю, кто подбросил нам коммунистическую идеологию, но сейчас понимаю: сделали это, чтобы лишиться ингушей завтрашнего дня – сто процентов. Как только ты записался в партию – стал безбожником, не успели чернила просохнуть. Нормальные люди туда не шли – шли те, кто наплевал на молву. Такой человек наплюёт на что угодно. Они выучили своих сыновей, те – своих сыновей, и теперь эти жулики нами управляют.

А в той России, которую мы называем паршивой, царской, для мусульманских героев – офицеров, солдат – были особые, адаптированные воинские награды Российской империи, без креста. Ты не ищи логики в моих словах, Александр. Её нет там. Я сын своего народа.

Я слышал, как ингуш однажды утверждал:

– Наш род произошёл от Ноя.

– Но у Ноя много сыновей, вы от которого?

Он зло сверкнул глазами:

– Непосредственно от Ноя.

Они не хотят быть потомками сыновей, соглашаются только от самого Ноя. Иногда это граничит с «манией величия». Несерьёзно. У меня есть козырная карта: мы все – люди, мы все – от Адама.

– Надеюсь, ты говоришь не о главе администрации Малгобекского района? – уточнил я.

– Нет, он слишком молодой.

Посылаю детей после обеда: «Помойте свою посуду!» Племянник помыл чашку, взметнул над головой как знамя, летит с вестью:

– Моя часка самая чистая! Моя часка самая чистая!

Букву «ш» не выговаривает, но мнимое первенство не уступает.

Вот от этого мы никак не можем отделаться. Я не знаю, откуда эта особенность... но она сохраняется, переходит из поколения в поколение.

Штрих такой к национальному портрету!

У одного ингушского писателя есть рассказ: во время высылки молодой горец вступает в неравный бой с карателями, не сдаётся и прыгает в пропасть. Последнее, о чём он подумал: «Как нелепо я лечу...» Он не подумал о Боге, о родственниках, об истерзанной Родине. Представь себе!.. Так мог написать только ингуш. У нас даже есть анекдот по этому поводу.

Река Асса потоком сбила ингуша с ног, несёт его в бурных водах, колошматит головой о камни, о корни... Он тонет, впору орать: «Караул! спасите! помогите! тону!» – и вдруг замечает на берегу приезжих. Ингуш собирает всё своё мужество в кулак, будто не его несёт своенравная река, а он её, принимает осанку и с непроницаемым лицом интересуется:

– Парни, чем могу вам помочь?

Если ингуш свалится с небоскрёба, то не станет орать, пролетая мимо ошарашенных зевак в окнах, – сделает вид, что тренируется. Ингуши – рискованный народ, всегда непокорные. Хорошо зная породу своих соплеменников, я на старости лет предпочитаю стоять под окнами роддома, а не тюрьмы. Потому я больше радовался появлению дочек, чем сыновей.

Дух у них мятежный...

А как иначе?

В Казахстане невозможно было выжить, оставаясь приличным человеком: приходилось убивать, воровать, грабить. У Идриса Базоркина в романе «Из тьмы веков» дана точная характеристика моего народа: «Трудолюбие, вечная борьба за кусок хлеба, взаимная поддержка в течение веков выработали в ингушах презрение к попрошайкам, бездельникам и лентяям. Они всегда были очень бедны. Но многие из них готовы были нищенству предпочесть голодную смерть. А голодной смерти – разбой».

И ещё старики говорили: «Если на обрубок дерева надеть милицейскую фуражку, то этот обрубок дерева попал бы в ад». Такой беспредел творили власти.

В те времена начальником НКВД у нас в республике служил такой Погибов.

Приезжает он к начальнику милиции в Орджоникидзевскую, учиняет разгон:

– Осман, чё сидишь? У тебя на участке в горах абреки – сыновья Бай-Мурзы распоясались. Давай поднимайся, поедем в горы, заберём их, ещё полазим, заодно посмотрим, почистим горы... Давай, чего сидеть? Я солдат взял.

Александр, веришь-нет, Осман мне сто раз об этом... уши прожужжал! но каждый раз при встрече по-новой уточнял: рассказывал или нет.

– Доезжаем, – говорит, – мы до Галашек, там нас щедро угостили: резали барана, напоили до чёртиков... Вспомнил Погибов про службу и попёр впереди всех в горы по узкой единственной тропе. Растянулись мы длинной вереницей, коней на поводу ведём. Добрались до первых башенных развалин: на камнях мальчонка сидит, укутавшись в плед, овечек пасёт. И тут начальника после сытного ужина потянуло в туалет. Отдал мне поводья лошади:

– Осман, поддержи, – сам пристроился под грушей.

Оправился, встал повеселевший, галифе подтягивает и мальчугану кричит:

– Пастушок! Пастушок! Иди сюда.

Мальчишка безропотно пошёл на зов, прыгает с камня на камень, приближается. Смотрю, что-то больно ловко он прыгает, хоть мальчик ли это? Закралось какое-то нехорошее у меня...

Погибов ему:

– Ты случайно тут не видел чужих людей?

Тот резко скидывает плед... А это один из сыновей абрека Бай-Мурзы.

– Чужим здесь нечего делать. И ты сейчас своё добро собери и проваливай!

Я только потянулся к нагану, он сразу:

– Осман, ещё раз шевельнёшься, прострелю голову и тебе, и этому ослу! – а стреляли дети абрека без промаха. Револьвер направил на Погибова: – Собирай живо!

Тот стал лопухи рвать...

– Руками, руками!

Делать нечего, всё сгрёб, набил карман комиссарской кожанки ослиным дерьмом – карманы у них вместительные – и мы задом, задом, оглядываясь, спустились по тропе к солдатам, развернулись и... «пошли они, солнцем палимы» в обратный путь.

До самой смерти Осман, как выпьет, всякий раз допытывался: «Я тебе рассказывал, как мы с Погибовым поймали сына Бай-Мурзы?»

– Ингуши разные, – вставил свои три копейки я. – Каждый мечтает об уважительном отношении, мечтает о любви... А то, что любят прихвастнуть... Так мне самому дай похвастать, хлебом не корми. Это защитная реакция человека: если нет

очевидных плюсов, человек пытается ущелье заполнить дымом. На Кавказе на сей счёт есть две пословицы: «Пустая бочка сильнее гремит», «Налитый колос склоняет голову к земле, а пустой горделиво топорщится».

– Верно! – Султан хрипло рассмеялся. – И ещё отец говорил: «Хороших людей больше, но плохие лучше организованы». Не знаю... Может, веры нам не хватает?

Не только ингушам – всем нам?!

То, что сегодня на земле идут войны, – это язычество, непочитание Бога. Как бы зачинатели себя ни величали, ни позиционировали, в какие бы одежды ни рядились. Красивыми лозунгами прикрываются, но ничего божественного в них нету: «Опять эти проклятые апачи! Вали на серого!» Кто громче всех кричит – и есть язычники.

Для таких самое последнее дело признать свою вину.

Люди, верующие в Бога, в его могущество, не станут воевать. Это не природный страх – вера в Бога, вера в Его милосердие, любовь. Стыдиться веры – значит, стыдиться добра. Верующий человек почитает Бога как своих родителей, выше даже... ты можешь довериться ему всецело.

Хотя ингушей трудно назвать миротворцами...

Раньше существовал такой порядок: если хозяин нанимал мастера для ремонта родовой башни, он обязан был сперва его сытно накормить, только потом отправлял на леса, на высоту – работать. Если ремонтник упадёт с лесов голодный – виноват хозяин (ему тогда с тейпом погибшего не рассчитаться), если сытый – виноват мастер. А ингуши по натуре заводные, и, умирая, каждый мечтает, что за него отомстят. (Даже если в смерти виноват сам.) И вот один шабашник наелся у хозяина до отвала, стоит на лесах, ковыряет спичкой в зубах, равновесие не удержал и свалился с башни... Летит и на всю округу вопит:

– Со меца ва! Со меца ва! Со меца ва! Я голодный!..

За компанию с хорошим человеком ему веселее отправляться на тот свет.

А возможно, вся проблема в том, что мало осталось настоящих мужчин.

Повымерли, повыбили их... Повыветрились.

У нас строго разделяется «мужчина» и «особь мужского пола».

Мужчина – это кьунах. Расстояние от него до святого – один шаг.

* * *

Знание – сила!

— Александр, рассказывать об Ингушетии, – Астоя в обшарпанном спортзале, – безвкусица!

– Моветон.

– Он самый... Поедем в горы к нашим родовым башням и там, на природе, с шашлычком из молодой баранины, продолжим.

– !

– Пусть не родиться, не жить в этих башнях – хотя бы думать в их присутствии, беседовать, и мысли в голову придут особые... глубокие, достойные.

Ученики Султана настойчиво предлагали любимому тренеру свои услуги, но он сам сел за руль и повёз меня в горы... Вёз, ни на минуту не переставая открывать всё новые и новые грани Ингушетии. Нас никто не отвлекал, не досаждал, не мешал сосредоточиться на беседе...

– Мой отец всегда объяснял: «Когда свершилась революция, все, кто лужгал семечки на центральных площадях, все пошли во власть и получили свою долю». Старики рассказывали: председатель сельсовета и бухгалтер селения Инерки прибыли в столицу молодой Горской республики Владикавказ. Их спрашивают в канцелярии:

– Откуда вы?

– Из селения Инерки.

– Получите деньги для малоимущих.

Получили они деньги, и один другому шепчет:

– Кроме этой русской женщины ведь никто не знает: дали нам деньги или нет. Что она понимает?

– А если настучит?

– Откуда знает, кто мы такие? Давай деньги разделим!..

Проходит полгода – их пропечатали в передовице.

Один к другому приходит с газетой:

– Полюбуйся, что про нас пишут... Что делать?

– Кто ещё видел эту газету?

– Никто.

– И никому не говори, а я спрячу её так, что никто не узнает. Под подушку.

Только разошлись довольные, к бухгалтеру приходит сосед с газетой:

– Про вас такие нехорошие вещи написаны.

– Откуда знаешь?

– Читал.

– Как ты мог читать, если газета спрятана?

– Вот она.

Бухгалтер хватается газету, бежит к председателю:

– Беда! Смотри, кто-то украл твою газету и показывает людям.

Вот такие люди попали во власть.

А может, не надо переживать, не надо созидать?! Плыть по течению и плыть.

Но как тогда БЫТЬ?..

Султан погладил бороду, рассеянно глядя по верх гор.

И вновь глаза озорно вспыхнули:

– Другие не уважают – можно переехать, поменять место жительства. Сам себя не уважаешь – никто не поможет. Ты себя знаешь лучше, чем кто-нибудь. Сделай так, чтоб, оставшись в одиночестве, признался: «Я сделал всё, что мог!» Тогда Бог будет с тобой. Если иначе – вставай в общую очередь и не обессудь, коли очередь до тебя не дойдёт. Нельзя успокаиваться, надо трудиться, рвать зубами... Грызть гранит науки! Именно «грызть»! – не просто кушать... С элементами фанатизма! – не спуская рукава относиться к делу. Только так можно добиться значимого результата. Избрать цель и к ней идти, зная, что за все деяния придётся ответить. Не надо убаюкивать себя, что, может, не придётся отвечать. За всё придётся. Из твоего марева грехов никто и капли не возьмёт на себя, в твою могилу никто другой не ляжет. И ты не сможешь никого заменить. Каждый за себя, индивидуальная ответственность за содеянное.

И мне нравится, что так – пофамильно – не списком.

– «Человек краснеет в одиночку».

– Да, не отмахнешься: «мы с товарищами посоветовались и решили...» Нет, брат. Ни подельнику, ни соратнику, ни маме, ни начальнику твоя краска стыда на лицо не перекинется, как зарево. Ни «мохнатая лапа», ни деньги, ни обком партии, ни все-родственные родственники за границей не помогут.

А знание – действительно сила.

Сила не только одолеть другую силу. Знание даёт силу быть человеком.

Я никогда не выигрывал в споре с невежественными людьми и никогда не проигрывал в споре с мудрецами – всегда для себя получал от них что-то полезное. Первая книга, прочитанная в детстве, – «Подвиги Геракла». Как сейчас помню иллюстрации: в колыбели младенец Геракл душил двух больших змей, посланных Герой, чтобы умертвить его. Я, как пел Высоцкий, «нужные книжки в детстве читал». А сейчас смотрю на детей – даже сказки не читают. Аллах поставил печать на их сердца и взоры их закрыл завесой.

В первый класс я летел радостный, вместе со

старшим братом, поскольку читал лучше его, но, когда узнали, что мне пять лет, выгнали из школы.

Выгнали в первый раз.

– ?

– Да, заслуженному тренеру России непедagogично признаваться в этом, однако был и второй. У нас директор школы нарушителей дисциплины – если какие-то отклонения усматривал, – бил по голове кулаком. Дошла очередь до меня... Не больно, но как он посмел?

Негодяй!

И я предупредил:

– На первый раз прощаю, но в следующий... ты горько пожалеешь. Смотри! Я не позволю обращаться со мной, как с другими.

Директор не ожидал такой реакции, растерялся и, по-моему, был напуган.

Он ничего не сказал, а на следующий день вызвал в кабинет для беседы и предложил:

– Если ты сейчас уйдёшь из школы, выдам тебе табель, подтверждающий, что ты хорошо учился. С этим табелем поступишь в вечернюю школу, десятый класс окончишь там. Уходи по-хорошему. Не баламуть народ.

И я шагнул за порог школы в самостоятельную жизнь.

Шагнул уверенно...

Никогда не повторив педагогической ошибки директора.

Я всегда уважал человека и высоко ценил знания. Помню, ехали на сборы в Крым. Поезд, духота, мои ребята заняли половину плацкартного вагона, я сижу чуть в отдалении, дремлю. За стенкой два старика и женщина лет пятидесяти распеваются:

– Ну, может из вас хоть кто-нибудь назвать города-герои?

Тишина. Гробовая тишина в ответ...

И тут наш Жорик вызывается:

– Я могу.

– Назови.

– Москва, Ленинград, Сталинград, Тула, Мурманск.

– И всё? – старик ехидно рассмеялся. – А Брест, Минск, Киев, Новороссийск, Севастополь, Одесса?..

И тогда этот мальчик тринадцати лет ему отвечает:

– Не может быть город героем, если он сдался врагу.

Старик ни звука больше не проронил. Молчал до самой конечной станции. А я, довольный ответом воспитанника, снова задремал. Женщина только никак не могла уgomониться:

– Вы что, не русские?

– Не русские.

– Я в русской школе на Украине преподаю язык, литературу и не слышала за всю свою практику, чтобы дети так чисто, с такими красивыми речевыми оборотами изъяснялись.

Невежество – извечный наш недуг.

Лет десять назад в горах бесхозным было всё: родовые башни и могильные склепы открыты, туристы шакалили по всем закуткам в поисках сувениров. Поднимаюсь один раз к башням в Хамхи, мимо – туристическая группа – пеший маршрут в Вовнушки. Основной состав прошёл, а какой-то ушлый мужичок у могильника крутится. Я ближе, поинтересоваться... А он уже вытащил череп из усыпальницы, отбивает лишние кости.

– Ты чего делаешь?

– Хочу пепельницу смастерить.

– Как пепельницу?.. Это ж... останки человека!

– Ну и что?

– Какой ну и что?..

Дал ему в ухо, он скатился в могильник, и как раз группа возвращается. Сдал этого бедолагу им на поруки и решил заодно прочесть короткую лекцию:

– Скифы, когда кочевали по этим землям, оставляли за собой могильники, где хоронили своих воинов в богатом убранстве, с оружием, – туристы стоят, пересмеиваются меж собой, женщины в основном. – С тех пор местные дикари-туземцы эти могильники ни разу не тронули, не нарушили покоя усопших, считая подобное святотатством. Так это было в третьем веке нашей эры. Вы же живёте в XXI, небось ещё высшее образование получили...

Какие пепельницы вы хотите делать из человеческих черепов?!

Это вам что, Майданек? Как не стыдно? А?!

Перестали хихикать, притихли.

Невежество, жлобство и в спорте абсолютно недопустимы.

Я прививаю своим ребятам уважение к другим людям, благородство. Возможно, не прав... У меня каждый раз скребут на душе кошки, когда мой ученик не добывает соперника, получившего травму, а проявляет великодушие... иногда ценой победы. Рабочие моменты в вольной борьбе случаются. И я каждый раз чувствую себя виноватым: это я его учил так поступать. Проходит время, вроде нужно сделать выводы, пересмотреть свои взгляды... возраст обязывает... но я опять за своё, опять возвращаюсь к тем же советам. Не получается! Для меня главное воспитать достойного че-

ловека, потом уже выдающегося спортсмена. Когда интересуются: «Почему не одёргиваете детей, не требуете, чтобы они к вам обращались по имени-отчеству, Султан Магомедович?»

– Я не достоин того, чтобы моё имя произносилось вперёд имени моего отца.

Уважение не в этом заключается и не от этого зависит. Сам не будь хамом.

* * *

Рассказ Илеза Даурбекова о наставнике

— Султан – образец кьунаха!

Султан не просто заслуженный тренер России, в Малгобеке не отыщете человека, кто бы не тренировался у него. Тысячи учеников, несколько поколений! Самые талантливые становились чемпионами Европы, мира. Он воспитал не только меня, но и моего отца. Он сделал из отца мастера спорта. Равного ему человека я не видел в России. Тысячи учеников, и к каждому Султан находит индивидуальный подход. Да разве одним спортом он занимается с нами?... На каждом построении минут десять посвящает истории Ингушетии: сегодня одному вопросу, завтра другому... Я после службы в армии первым делом поехал не к отцу с матерью – к нему – потом только домой.

Однажды наш парнишка готовился выступить на чемпионате России и внезапно на тренировке, за две недели до начала соревнований, сломал руку. Султана в тот миг не оказалось, мы повезли пацана в больницу, гипс наложили. Возвращаемся в зал, мы – продолжаем работать, он – садится на скамейку. Куда со сломанной рукой? Любому ясно. Заходит Султан, увидел гипс:

– Это что такое?

– Руку сломал.

Словно не слышал, спрашивает опять:

– Это что такое?

– Гипс.

Берёт ножницы, срезает, выбрасывает в урну. Клянись! Зимой было... Честное слово. Заходит в парилку с ним. Что там делал, не знаю, до сих пор понятия не имею, как вылечил?! Закрепил две деревяшки: по очереди прикладывал то холод, то в сушилку заводил, то в парилку. На двенадцатый день пацан поехал на соревнование и выиграл чемпионат России. Первый президент Ингушетии Руслан Аушев про Султана Батырова говорил: «Единственный человек, которого встречаю в своей жизни, кто не желает быть чиновником. Каких только должностей я не предлагал! На всё у него один ответ: помогите воспитывать ребят, растить чемпионов, больше ничего не надо!»

У нас бывали курьёзные случаи... Один спортсмен никак не мог на соревнованиях по вольной борьбе в Малгобекском районе подняться до третьего места... На районных соревнованиях! Родственник в частном порядке его спонсировал, он переехал в другой регион и, выступая за их команду, стал чемпионом Советского Союза. Так легче! Вернулся домой – опять районные соревнования, снова участвовал, и снова – призовые места не по зубам. У нас такие сильные спортсмены, такие волчары... просто денег нет выезжать на сборы, турниры, чемпионаты. Денег у Султана не хватает... Вот главная беда. Если бы нашему тренеру бесперебойное финансирование, он бы этих чемпионов штамповал.

А ещё он художник и патриот: именно Султан – автор символики ингушского флага, участвовал в разработке герба.

– И всё?

ВОЙНЫ ИМПЕРИЙ

Хабар

Кто поспекает за изменениями жизни, тот выигрывает.

Ингушская пословица

«Дети сейчас другие! Мы были лучше! Отходят от наших традиций, забывают язык предков, не соблюдают обряды! Не оттащить от компьютера!» – сетовали в разговорах со мной ингуши. И такие разговоры идут по всему миру, не только в Ингушетии.

Вот несколько цитат:

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, насмехается над начальством и несколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами; они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие»;

«Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмёт в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна»;

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек»;

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времён. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру».

Как вы думаете, какому времени принадлежат эти цитаты?

Не буду томить...

Первая заимствована у Сократа (470–399 гг. до н. э.); вторая у Гесиода (ок. 720 г. до н. э.); третье изречение принадлежит египетскому жрецу, жившему за 2000 лет до н. э.; четвёртая обнаружена совсем недавно на глиняном горшке, найденном среди развалин Вавилона. Возраст горшка – свыше 3000 лет.

Вот-вот...

А что, если ошибаемся мы – не дети. Вдруг это у нас заржавели мозги, может, мы упёрлись в тупик, зациклились.

– Проблема эта вечная, – уверен Махмуд. – И всегда отцы, если их послушать, лучше своих детей, отцы отцов – так те вообще богатыри. Все хают отпрысков: «в наше время было лучше». Хотя на том основании, что пацаны сейчас не бегают купаться на озёра, как мы, не лазят по чужим садам, не воруют вишню, как в годы моей молодости делали абсолютно все, нельзя же утверждать, будто дети стали хуже.

Молодёжь слышит время!

В горной Ингушетии я познакомился с двумя яркими представителями этой самой молодёжи и был приятно поражён. Зияутдин Гурадев и Саит Илиев до сих пор много времени посвящают компьютерным играм... Я уже собирался им объяснить, что компьютерные игры меня не интересуют, мне нужен этнографический материал, примеры, характеризующие дух ингушей, их менталитет, характер... но решил послушать, не перебивая, минут пять.

– Зияутдин, расскажи про вашу игру, чтобы понятия даже такие «чайники», как я.

– Слушайте!.. Наши отцы с тревогой наблюдают за детьми, которые увлекаются компьютерами, социальными сетями, чатами, форумами, гаджетами... Все эти термины у них ассоциируются со злом. Они осуждают, не вникая: «Запрет! Харам!»

Но наберитесь терпения, выслушайте и судите потом.

Игра «Войны империй» – онлайн-стратегия.

«Войны империй» – фактически действующая модель жизни.

Кому-то по вкусу заниматься торговлей, кому-то нравится завоевывать чужие земли, кто-то занимается религией и берёт в герои жреца. Также доступна на выбор любая политика. Одним словом, всё как в настоящем мире – полнейшая свобода действий, которую ограничивает разве что ваша фантазия. Но главное в мире – всё же война! У тебя в подчинении есть лучники, конники, вручную управляешь атакой,

обороной, определяешь политику, тактику, стратегию. Есть сенат, есть чиновники, есть лидер армии – Верховный главнокомандующий.

Что такое война, как её объявить и кому она вообще нужна?

Помните диалог генерала вермахта и Штирлица: «Государства – как люди. Им претит статистика. Их душат границы! Им нужно движение – это аксиома. А движение – это война». Итак, если вам надоело строить дома, дороги, захотелось крови, эшелоны трупов, острых ощущений, адреналина, если вас душат границы – вам пора на войну. Для объявления войны достаточно кликнуть на цитадель (на карте мира), граничащую с территориями вашей расы, и нажать кнопку «война».

– Да, развязать войну просто...

– Война – это новые территории, новые возможности: строительство лагеря, грабеж других рас. Как следствие, более быстрое развитие. И ещё война – это не только полезно, но интересно. Ведь именно здесь бушуют страсти, интриги среди дипломатов, шпионов и предателей; именно здесь полководцы раскрывают свои таланты во время военных действий. На войне могут сражаться все, и даже самый слабый герой без армии может серьезно повлиять на результат сражения, оказавшись в нужное время в нужном месте. Однако, чтобы захватить чью-то столицу, личной армии не хватит. Вам понадобится заключить союз с другими игроками, затем выбрать вождя, который объявит о начале войны. «Войны империй» – в этой онлайн-игре участвуют жители всех стран нашей планеты: Бразилия, Штаты, Европа, Россия – ну все-все.

Я расскажу про характер ингушей...

Есть семь альянсов. Основная битва происходит между американцами и русскими. Мы сотрудничаем с русскими и турками. Турки в этой игре тоже являются для русских хорошими союзниками и не раз выручали. Мы с Саитом играли больше года, но игра у нас занимала огромное время, пришлось уйти. К этому моменту у нас накопились огромные ресурсы: сильная армия и два больших города, назвали их – Магас и Карабулак. Напоследок мы решили «зажечь» по-ингушски!.. Чтобы не нанести вред русскому альянсу, вышли из него, создали свою группировку «Дикая дивизия» и начали воевать с американцами.

Участники игры имеют разные статусы, которые человек зарабатывает в процессе игры. Самое высокое звание у «Принца». Высший статус игрока. «Принц» – лидер американской группировки. Когда мы стали атаковать самые крупные его города и членов его альянса, они удивились... Наша «Дикая дивизия» составляла лишь десятую часть от армий «Принца», но мы застали его

врасплох и атаковали отчаянно. Он никогда не участвовал в общих дискуссиях, никогда не отправлял сообщений, тут не утерпел и пишет нам:

– Для чего вы это делаете?

Мы с Сайтом популярно объяснили:

– Когда только образовались, мы вам предлагали мир, но вы отвергли его. Мы посчитали это за оскорбление и теперь будем биться до последнего.

На форуме нам часто задавали вопрос: «Вы мусульмане, почему вы с русскими, а не с нами?» Неизменно отвечали: мы едины.

«Дикая дивизия» проявляла чудеса военного коварства...

Дожидались, когда их нет в игре, и крушили живую силу, технику, города... наносили им мощные удары. Грабили, уничтожали, убивали всех подряд. Участники были в шоке. В чате мелькало только одно слово: ингуши! ингуши! ингуши! Мы выбрали никнеймы Ингуш-Граф, Ингуш-Али. Никки эти не сходили с бегущих строк.

Мы пишем «Принцу»:

– Пусть все погибнем, но будем биться с вами до последнего. Примите наш прощальный подарок.

И он ответил... Впервые ответил:

– Не встречал людей с такими взглядами. В игре тем более. Может, останетесь?

– Действительно, это всего лишь игра, но жизненные принципы должны быть везде.

Мы попрощались с русским альянсом, со всеми участниками игры, отдали один свой город русским, другой союзникам туркам – и все остатки своей «Дикой дивизии» направили на американцев... Когда мы уходили, весь альянс американцев нам аплодировал смайликами, хотя и враги. И «Принц», который никогда не светился в чате мира, где все видят твоё сообщение, написал:

– Удачи ингушам, которые достойны быть лучшими из лучших. Вы молодцы! Желаю вам в жизни удачи и настоящих побед!

Да, наше отношение к жизни удивило американцев... Оно не вписывалось в их понимание: как это погибнуть, помогая своим? А ведь этому принципу ингуши следуют с глубины веков. Для нас вопросы чести важнее жизни. И здесь мы, храня традиции доблести наших дедов, вступали в сражение с неравными силами, заведомо шли на смерть.

И заставили уважать себя даже врагов.

Сегодня отказаться от Интернета, от компьютера – всё равно как идти с деревянной рогатиной на танки. Не зря трубят: давно идёт информационная война. От неё не скрыться, даже если поглубже надви-

нешь на глаза папаху, даже если спрячешься за мамаху... От этого Интернет не исчезнет, просто кто-то другой научится им пользоваться лучше. И он, этот другой, будет иметь больше шансов на победу. Может случиться так, когда папаху снимешь, – мир вокруг не узнаешь – и уже ты в этом мире чужой, лишний.

Высокая папаху ума не добавляет.

Участвуя в таких глобальных играх, мы защищали культуру, честь ингушей, код нации в масштабах цивилизованного мира, в масштабе всей планеты... В эпоху глобализации Ингушетия не заканчивается Джейрахским районом... Начинается только. И об ингушском народе должны знать повсюду, знать с позитивной стороны, как о грамотных, образованных потомках Адама; понимать – мы не дикари, не туземцы. Понимать и уважать. Лишь по формальным признакам – это игра – по сути реальная жизнь, с серьёзными вызовами, это и есть самая настоящая битва Добра и Зла. И даже если кто-то «играл»... Мы защищали свою Ингушетию и Россию – по-настоящему. Не щадя жизни. Насмерть.

А что касается войны...

В Космосе война уже давно идёт.

ВЕРА

Малумат

Не берите двух богов!
Сура Пчёлы 53(51)³⁷

Махмуд Измайлов достал из фамильного запаса старинные карманные часы, бережно раскрыл крышечку:

– Часы достались от деда, серебряные. Обратите внимание на фирму «Павел Буре, Поставщик Двора Его Императорского Величества». У этих часов необычная судьба. Отец рассказывал... В 1937 году они с дедом возвращались на поезде из Москвы. В купе к ним подсел армейский генерал, достал бутылочку коньяка, закуску, налил себе рюмашку... И тут наступило время делать намаз. Дед совершил омовение, вернулся в купе, расстелил коврик прямо на полке и стал молиться. Генерал уставился на деда... дышать перестал. Затем коньяк из рюмки вылил обратно в бутылку, надел китель, застегнул все пуговицы и вытянулся по стойке смирно. Пока дед молился, он стоял не шелохнувшись. А потом спрашивает:

– Вы кто по национальности?

– Ингуш.

– Смелый человек... У меня отец был священником, год назад его расстреляли, я сам верующий, но церковь посещать не решаюсь.

А к тому моменту в стране уже почти все церкви, мечети взорвали, приспособили под клубы, склады... Духовенство большей частью уничтожили. Какой там молиться?! Думать о Боге никто не решался. И тут такое... Генерал подарил деду за преданность вере свои серебряные часы, а дед, чтоб не остаться в долгу, – кинжал. Часы эти побывали с ним в ссылке, вернулись на родину и по наследству перешли ко мне. Предать свою веру – это как отказаться от родителей, дихон. Не зря в Коране сказано: «Поистине, злейшие из животных у Аллаха те, с которыми ты заключил союз, а потом они нарушают свой союз каждый раз».³⁸

Коран мудрая, глубокая книга, излучает позитив, светлую радость...

– Согласен, Коран – книга священная. Для меня она в последние годы настольная, – признался я. – Интересно наблюдать у вас процесс внутреннего борения: происходит отказ от язычества, отказ от древних святынь в пользу единобожия, в пользу Всевышнего.

– Непросто идёт этот процесс, Александр... Ингушский народ принял ислам последним, с того памятного дня прошло более ста лет, но сомнения остаются. Взять хотя бы творчество – тебе как писателю, выпускнику художественной школы, этот вопрос ближе всего. Шариат – свод исламских законов – не запрещает изображать цветы, деревья и даже горы. Это подпадает под «мубах» – действие, которое можно совершать или не совершать. За исполнение-неисполнение нет награды, нет и греха. Всё то, что шариат не обязывает и не осуждает, входит в мубах. Например, «36. Рисовать неодушевлённые предметы». А вот «петь, рисовать людей, животных», по законам шариата, – харам гайри зулми – «запрещено, поскольку совершение приносит вред производящему его». Сегодня на практике эти запреты игнорируются, а что будет завтра, не ведаёт никто.

Я смолчал, не зная, что сказать...

Ингушетия хоть и считается де-юре субъектом Российской Федерации, светской территорией, больше напоминает республику исламскую. В Ингушетии в ряде сфер уже сегодня царит верховенство не ингушских адатов, не Конституции РФ – законов шариата.

– Махмуд, но ведь то, что мы разные, – здорово! Ведь запреты эти не внешнего свойства, потребность в них внутренняя у самих ингушей.

– Вроде бы так... Просто Эрмитаж, Третьяковка, Русский музей, музей Пушкинский, Петергоф, статуи и барельефы, Аполлоны и Венеры с амурами, концертные залы, театры и кинотеатры, бары и рестораны, пляжи и фитнес-центры... пожалуй, всё, кроме вокзалов и мечетей, будет закрыто, ликвидировано, если ингушский опыт распространится на всю страну. Этим пагубным светским явлениям нет места в правовом поле шариата, ислама.

– В крайнем случае сейчас на дисках есть любые экспозиции. В Эрмитаже я уже был, не знаю... может, в Третьяковку ещё заглянуть...

– Загляни!..

Чужевьерцы, непрошеные гости – большой вопрос для всех без исключения народов.

Среди русской интеллигенции были и те, кто приветствовал их приход:

*На нас ордой опьянелой
Рухните с тёмных становой –
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.*

*Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.*

*Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, –
Вы во всём неповинны, как дети!*

*А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесём зажжённые светлы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.*

*И что под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?*

*Бесследно всё сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.³⁹*

– Я читал твою книгу «Дагестан (Дневник поездки)», – горячился Махмуд, заломив тубетейку на затылок, – ты правильно обратил внимание на одну

существенную деталь: в Коране нет ни одного слова, производного от «люб» – любимый, любящий, люблю... В ингушском языке прямого слова «люблю» тоже нет. Говорят: «Ты нужен мне...», «Ты много (очень) нужна мне...», «Желанна мне...». ⁴⁰ Однажды в Рязани в наш плацкартный вагон поезда «Назрань–Москва» подседа молодая пара и... (этого не пиши – страшно сказать!) прилюдно поцеловались... А!!! Что тут началось... «Бесстыжие» – самое лёгкое проклятие из тех, что обрушились на голову парочки. Они и паспорта достали, и штамп показывали, мол, расписаны, и прописку: «У себя дома, в сердце России, находимся, русские мы...» Наивные дети! Если в вагоне мусульман большинство – там будут царить и порядки мусульманские. Плацкартный вагон – модель устройства общества.

– Махмуд, насчёт поцелуев не скажу... Просто забыл, что это такое... Кажется, имеет отношение к детям?

– Косвенное. Да чё ты лыбишься?.. Я однажды наткнулся на строки:

*О мир рассудочный и квёлый,
Кому нужны твои указки,
Твоя бескрылая опека?
Я лишь любовь считаю школой,
Где учатся на человека!⁴¹*

И как всё это несвязуемое связать у себя в голове – ума не приложу!

Дальше по плану у нас значилось посещение выставки художников в Карабулаке.

Да, несмотря на мрачные прогнозы Махмуда, часть светских мероприятий и сегодня проводится в Ингушетии. По инерции...

Больше других мне понравились сюрреалистические полотна Гайтукиевой Евы.

Ева призналась:

– Писать одни башни, копировать – скучно, неинтересно, несерьёзно. Это допускается только в период ученичества. Это детское всё. Когда у художника нет своего мнения, когда ему нечего сказать людям – это ноль, не художник. Стенограмма не интересна ни в литературе, ни в живописи. Художник-творец должен через своё понимание, свою душу пропустить образ. Художники-коллеги моё творчество не принимают. Считают: «Демонизм!»

Петь в Ингушетии тоже продолжают.

– Махмуд, а как ваша вера относится к поэтам? В романе «Из тьмы веков» строки:

*Вершины снежные
громады скал,
от сотворенья мира
и в хаосе поднявшиеся к небу,
дремучие леса,
кипящие потоки шумных рек,
луга, охваченные радугой цветенья
и ароматом трав,
и гордый человек,
готовый умереть за дружбу,
честь, свободу, –
все это с незапамятных времен
наречено в поэзии народа
страной былин и именем – Кавказ!*

Я читаю, и – мурашки по телу... Фриссон. По моему, гениально!..

А помнишь у Булата Окуджавы:

*Поэту настоящему спасибо,
Руке его, безумию его
И голосу, когда, взлетев до хрипа,
Он достигает неба своего.*

– Помню, как не помнить?! Я да не помню...

Поэты – по Корану – грешники великие. В Суре Поэты так и сказано: «Не сообщить ли Мне вам, на кого нисходят сатаны? 222. Нисходят они на всякого лжеца, грешника. 223. Они извергают подслушанное, но большинство их лжецы. 224. И поэты – за ними следуют заблудшие». ⁴²

– Любопытно... Хотя, кто знает, может, исламские певцы, скульпторы, художники, поэты и заслужили подобное отношение. Не мне судить... Не стоит лезть со своим уставом в чужой монастырь! Ислам – великая мировая религия. Я, как человек верующий, уважаю вашу веру... Уважаю, но люблю Бога своего и держусь веры своей.

– Чё ж ты тогда в тибетейке, с чётками?..

– Чётки носят и православные, а тибетейка... когда в тибетейке, ингуши меня лучше слышат. Коран – мудрая книга. Что касается веры, в Коране прямо сказано: «О люди! Поклоняйтесь вашему Господу!» ⁴³ Заметь не «нашему», а «вашему!»

*Их-то Господь – вон какой!
Он-то и впрямь настоящий герой!
Без страха и трепета в смертный бой
Ведёт за собой правоверных строй!
И меч полумесяцем над головой,
И конь его мчит стрелой!
А наш-то, наш-то – гляди, сынок –
А наш-то на ослике – цок да цок –
Навстречу смерти своей.*

СПЛАВ «МЫ»

Хабарик

*Ветер играет прутиком, растущим одиноко.***Ингушская пословица**

*А у тех-то Господь – он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то – увы, сынок, –
А наш-то на ослике – цок да цок –
Навстречу смерти своей.*

*А у этих Господь – ого-го какой!
Он-то и впрямь владыка земной!
Сей мир, сей век, сей мозг головной
Давно под его пятой.
Вкруг трона его весёлой гурьбой
– Эван эвэ! – пляшет род людской.
Быть может, и мы с тобой.*

*Но наш-то, наш-то – не плачь, сынок, –
Но наш-то на ослике – цок да цок –
Навстречу смерти своей.
На встречу со страшною смертью своей,
На встречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдёт,
Никуда не спрятаться ей!⁴⁴*

Родник не подходит к каждому двору и не журчит за тобой по пятам... Люди сами знают, где он, и вереницей идут к нему за чистой водой.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в городе Сунжа Республики Ингушетия. У православного прихода биография трагичная: в середине 90-х отца Петра Чистоусова похитили боевики. Я посетил храм и попросил благословения у отца Спиридона. Перед отъездом на прощание вновь зашёл. Помогает, знаете... Православная вера – источник моего творчества. И об этом не забываю. И ещё понимаю главное: вера – сама по себе таинство; вера – дело сугубо интимное, она не приемлет групповухи. Это – не грипп! И потому, как мудро учил поэт:

*Не лезьте
в небо скопом.
И даже по двое не лезьте вы туда.
При том, что Бог один, у каждого свой Бог.⁴⁵*

Петух за забором кричал как угорелый.
– Пойдём, с соседями познакомлю, – предложил Махмуд: – Хозяин дома Исса – прекрасный парень, мать Душа, хотя правильной ударение делать на второй слог – душевная, гостеприимная, добрая женщина.

Нас приняли по-ингушски хлебосольно, радушно. Во дворе, в тенёчке...

Душа, показывая в сторону холмов, вспоминала:

– Вода – вон оттуда должно было носить. Газ не было. После трёх год дома же работать некого...

Скрипнули ворота, бочком-бочком протиснулся затасканный мужичок, по виду не местный, нерешительно остановился, на местном наречии о чём-то перемолвился с Иссой. Тот протянул купюру.

– Это кто? – поинтересовался я.

– Таджик, спросил милостыню...

У Иссы произношение с лёгким французским проносом, какое обычно бывает у чеченцев.

– Что сказал?

– «Милостью Аллаха, помогите!» Он безработный, кушать ему нету, бездомный – я отдал последние сто рублей.

– Последние?

– Да.

– Приглашал чай пить?

– Да, он отказался, у соседа чай уже пил, кушал. Я не знаю, что бы делал, если так случилось.

– Если бы стал безработным...

– Да. Ты же видишь, у меня есть дом...

– Который по размерам напоминает восьми-летнюю школу.

– Ингуши хлеб не будут кушать, но дом из кирпича построят... И вот сейчас подумал, что, если б я оказался на его месте? Что бы делал, если б остался бездомным, кушать нечего... без копейки в кармане. Смог бы так же ходить по дворам просить милостыню? Не смог. Я бы лучше с голоду подох, чем ходить вот так. Знаю, у него мамка, дети большие сидят на съёмной квартире... Мне очень жаль его. Но я бы не смог ходить побираться. Не смог бы переступить через себя. У меня есть семья, есть мать, братья – мы вместе и благодаря этому сильнее. Сейчас пойду помогать соседу...

– Белхи?⁴⁶

– Да.

– А у соседа есть дети, чтобы тоже помогли?

– Один мальщик и дэвушк.
– Сын и дочь, – поправил Махмуд. – Они маленькие.

– Всё село ходит, помогает друг другу. Никто не зовёт, сами. Он сейчас делает это... – Исса показал на дом.

– Водосток? – участливо подсказал я.

– Нет.

– Окно?

– Нет.

– Крыльцо?

Он недовольно поморщился. Рука его с вытянутым указательным пальцем продолжала недвижно висеть в воздухе.

– Дверь?

Голова категорично дёрнулась.

Отчаявшись подобрать нужное слово, пошёл с ним к соседу. Только там узнал: речь шла о ступеньках. И ещё, Исса помог мне понять, что ингуши – это не разнородное множество «Я», отделённых запятыми, а совокупность... сплав «Мы».

СИМВОЛЫ ИНГУШЕТИИ

Малумат

Наблюдай – увидишь, ищи – найдёшь.

Ингушская пословица

Присмотритесь повнимательней!..

Символы – это набор штрихов, чёрточек к портрету Ингушетии.

Символы – это перечень ярких особенностей республики и ингушского менталитета.

Символы – это явления, которые ну везде по Российской Федерации есть, а тут нет.

Особинки со знаком «плюс» и «минус».

То, что для нас кажется ненормальным, противоестественным, – здесь процветает, и наоборот. Всё или почти всё – зеркально.

Каждому собеседнику я задавал один и тот же вопрос:

– Назовите символы Ингушетии.

Итак...

Пригородный район; Черменский пост ДПС; Солярис – солнечный знак на гербе – символ вечно-го движения; 23 февраля; исход; «Битва в горах»; «Дикая дивизия»; родовая башня; Вовнушки; къунах; ингушский язык; лезгинка; орёл; конь; в Ингушетии принято обращаться на «ты» – в ингушском языке вежливой формы обращения на «вы»

к одному лицу не существует; нельзя по улице ходить в тапочках, в шортах, спортивках, без головного убора; Эздел – кодекс чести ингушей; сын не сидит при отце; при упоминании в разговоре имени свёкра, свекрови, если их нет в живых, женщина в знак уважения встаёт; имя свёкра и свекрови произносить нельзя; истинг – циновка; бурка; тюбетейка; папаха, черкеска; кинжал; единичка в алфавите; «сухой закон»; кровная месть; умыкание невест; белхи – ингушский субботник соседей; азан; мулла; Коран; законы шариата.

Официально Ингушетия – моноэтнический субъект светского типа в составе Российской Федерации, однако она больше смахивает на исламскую республику. Законы шариата зачастую оказываются главнее, весомее адатов и Конституции РФ.

Восторженно-уважительное отношение к грузинам

Ингушский народ безмерно благодарен грузинам – они единственные, после возвращения ингушей на родину из Казахстана, добровольно освободили занятые дома, снялись и выехали на родину, «чего не скажешь об осетинах...»

Я осторожно, максимально тактично пробовал намекнуть, что такой национальности, как грузины, в мире вовсе не существует... как нет и дагестанцев! Миф! Есть грузинское государство, есть грузинский язык и есть территория, на которой проживает множество этнографических групп: аджарцы, гурийцы, картлийцы, кахетинцы, имерхевцы, ингилойцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, тушинцы, ферейданцы, хевсур, чвенебури. И три субэтнические группы: мингрелы, сваны, лазы. Грузин (самоназвание – картвелеби), значит, житель Грузии. (До 1992 года абхазов и осетин в СССР и в мире тоже считали грузинами.)

Но это слишком горькая правда, чтоб ингуши восприняли её сегодня...

Блюда ингушской кухни

Кодер – горячий домашний творог, сваренный с маслом и желтком, – вкуснятина!; Дулх-хьалтам – мясо с галушками; чапильги – лепёшки с творогом и картошкой; черемша; бир – не холодное пиво, не надейтесь! – соус на мясном бульоне с толчёной картошкой; чай подают горячим, налитым по самый край в стаканах без подстаканников.

Пальцы жжёт – невозможно! а бросить стакан хозяину на колени – воспитание не позволяет. Я попросил, если этим не нарушу священные адаты, дать мне чай в чашке. Хозяйка назвала «неженкой».

Гостеприимство

*Да присохнет язык к гортани
у отрицающих восточное гостеприимство!*

Ксения Некрасова

Хьящ чиичр.

В Ингушетии в каждом доме отведена специальная комната для гостя – хащица – как бы долго не появлялись гости, её не занимают.

У Махмуда на тему «гостеприимство» готовые картинки:

– Мать у нас шутница. Встречая гостей, всплеснула руками:

– Радость-то какая у вас дома!

– Какая радость?.. – гость в загадочной растерянности.

– Радость, что отдохнут от вас.

Тому хоть поворачивай назад! А бывает, наоборот, из гостей не вырвешься. Тут как-то зашёл с друзьями к свояченице, накрыли нам щедрый стол... Приятели тычут в бок:

– Слыхали, она чудесно играет на гармонии.

Попроси!

– Я-то попросить могу, но кто её потом остановит?

– Попроси, хочется послушать.

А я чё – я попросил.

Она давай наяривать... Рада стараться! Мелодию за мелодией, час за часом... Дело к полуночи. Вижу, друзья ёрзают, на дверь поглядывают, но прерывать музыкантшу не решаются. Наконец один робко, дождавшись секундного интервала, привстал:

– Мы, наверно, пойдём... Наверное, утомили уже близких...

А свояченица, не сбавляя темпа, успокаивает:

– Сидите! Им нравится.

– Соседи могут плохо подумать.

– Не волнуйтесь! Соседи меня уже знают...

Коллекторские агентства

Зимой 2016 года все СМИ России облетела информация: «Коллектор кинул бутылку с зажигательной смесью в комнату с ребёнком. В результате ребёнок получил сильные ожоги лица, предплечий и впоследствии был госпитализирован, – сообщил LifeNews источник в правоохранительных органах. – Кроме того, пострадал 56-летний мужчина, который пытался потушить пожар. По словам родственников пострадавшего ребёнка, бутылку с зажигательной смесью кинул один из коллекторов, требовавших возврат долга.

Дедушка мальчика признался, что взял четыре тысячи на лекарства».

В откровениях СМИ мне большой нужды нет...

Живу тут же – не на Луне: в родной деревне безработный мужик, молодой совсем, повесился. Кто? Что? Тёмное дело. Назанимал в банке денег под музыкальный центр, а отдать...

А вот в Ингушетии нет коллекторских агентств.

На всякий случай, повторю ещё раз, может, не до всех дошло с первого раза: в Ингушетии коллекторских агентств нет. И это – характерная черта Ингушетии.

Данная форма частно-государственного партнёрства, напоминающая рэкет, неприемлема для ингушского менталитета. Кстати, мировое сообщество считает создание этой структуры уверенным шагом назад в средневековье.

Махмуд, изумляясь моему неведению, терпеливо объяснил:

– У нас их нет и быть не может. Даже если б кто-нибудь и прикажет организовать, туда не пойдут устраиваться. Кто им позволит ходить по поручению банка выбивать деньги у соседей. Это дело не выгорит. К самому коллектору приедут и вытряхнут его из собственного дома, из собственной шкуры... Голову отрежут, чернила на заявлении о приёме на работу не успеют просохнуть. С этим у нас строго.

Люди-символы

Кунта-Хаджи шейх, философ-суфий и Устаз для большинства населения Ингушетии. Три раза Имам Шамиль пытался силой привить ислам ингушам, не смог, а Кунта-Хаджи одолел их словом; первый президент Ингушетии Руслан Аушев; действующий глава республики Юнус-Бек Евкуров; бизнесмен Михаил Гуцериев; Суламбек Осканов, лётчик, первый Герой России; писатель Идрис Базоркин с романом «Из тьмы веков».

Работа по найму на «грязных участках»

– В Ингушетии никогда не было батраков из местных. Ты пойдёшь сегодня предложи под туалет яму выкопать – за оскорбление посчитают, – объясняет Батыр Веджижев. – В 92-м я работал в колхозе председателем. Отец, когда узнал, куда устраиваюсь, наказывал: «Ты идёшь к земле. Остерегайся земли, если ты обидишь землю, ты обесчестишь семь поколений предков и семь поколений твоих

потомков будут опозорены. Нельзя предавать землю, продавать её нельзя – она живая. Она не простит». И я боялся нарушить заветы отца, старался их соблюдать. Потому что, если встану на несправедливый путь, если буду есть нечистый хлеб, кара падёт на голову моих детей. И детям своим стараюсь объяснить: не гонитесь за богатством, ешьте хлеб, заработанный праведным путём, потом своим. Если бы тогда русские массово не уехали, Ингушетия бы сегодня процветала. Когда начались волнения на национальной почве, я обещал русским:

– Костями лягу, не дам никого из вас в обиду!

И своим объяснял:

– Нельзя отпускать ребят. Русских нужно убеждать, чтобы остались!

– А чего это ты за них вступаешься?

– Ты в ассенизаторы пойдёшь?

– Что это такое?

Наши не знали даже, что такое золотари...

У нас не было своих работников ЖКХ, своих технарей, инженеров, водопроводчиков, сварщиков... В правительстве не текло, а мы тут, внизу, без русских чуть не захлебнулись дерьмом. Наладить работу ЖКХ своими силами было убийственно тяжело... Для ингуша подметать улицы – позор! Мусор грузить, вывозить... Кто пойдёт? Никто. А если сегодня мусор не уберёшь да нечистоты не выкачаешь – всё. Крышка. Уже не до Эздеда.

У нас, если девушка работает уборщицей, то из последних сил скрывает этот позорный факт от родителей, от родственников, от тейпа. Юристом, менеджером – говорят. Ингушка разве может работать со шваброй в руках. Ингуш никогда не согласится работать прислугой. Официантов на работу приглашаем из других регионов. У нас все чистюли, все князья.

Если все станут хаджи (святошами),
кто будет землю пахать?

Тейп

Харон Цечоев объяснил:

– По сегодняшней день общественное устройство республики является родоплеменным.

Род имеет своё исконное название по фамилии первого предка. Это сакрально. Древняя родовая земля не продаётся, древняя родовая башня не продаётся, не наследуется кем-то одним – принадлежит всем членам рода. У генеалогического дерева в процессе жизни может появиться много ветвей, много фамилий, но тейп – род – будет носить всегда фамилию первооснователя. У нас нет «просто ингушей». Ингуш не может быть сам по себе – он представи-

тель конкретного тейпа. Каждый родом из определённой башни. При встрече спрашивают не «кто ты?», а «чей ты?» «ты из какого тейпа? чьих будешь?».

Кто переступил черту закона, кто сам не уймётся, того вызывают на Совет тейпа. В роду знают всё про каждого: кто? где? когда? Салман Опиев – официально избранный лидер тейпа Цечоевых, духовный тамада. У нас тоже были «лесные». Мы этих друзей вызвали – их было пятеро – вызвали и жёстко предупредили: если собираетесь здесь жить, вы должны бандитскую деятельность прекратить. Иначе тейп разорвёт с вами всяческие отношения: не разрешит вас хоронить, откажет в любой помощи, запретит жениться, посещать общинные мероприятия. У нас ведь тут...

– Не Рязань.

– Да. Если в Ингушетии отлучают от рода, ты превращаешься в изгоя, в отщепенца. Тебя могут оскорбить, унижить. Ты – выродок. Ты – никто. На твой отстрел выдают лицензию. Такому остаётся только смыываться в Краснодар или Москву – разбойничать там.

«И в Дагестане похожие традиции, – мелькнула мысль. – Оказывается, в российской глубинке люди зачастую имеют дело не с полномочными представителями Кавказа... Они не делегированы – изгнаны из родных мест на радость своему роду, ваьру, тейпу, тухуму. Для испытания пределов российской толерантности».

– Тут не скажешь: «Да мы вас... да мы шахиды!..» Тейп – это слишком серьёзно. Это не мама пожурит, не милиционер пальчиком погрозит – тут не огрызнёшься. Прессинг рода жёсткий. Им арабские эмиссары рассказывают, что если погибнешь в бою с неверными – сразу попадёшь в рай. А тут какой рай?.. Когда ты пошёл против отца, против братьев, против тейпа. Кто тебя в рай пустит без нашей рекомендации? Вариантов нет. Есть единственный выход: подчиниться, покаяться, изменить своё поведение. Я, как ингуш, другого варианта представить не могу. И на наших заблудших родственников «партийное собрание» подействовало. Сейчас они прекрасно работают. Каждый стал добропорядочным семьянином и никаких порочащих связей не имеет.

Моральный облик женщин

Племянник Махмуда Юнус охотно рассказал о знаковой традиции:

– У нас за чистотой нравов незамужних девушек и разведённых женщин отвечают близкие родственники по отцовской линии: или отец, или

брат, или дядя, или сын. Честь женщины для нас – святое! Наша мать постоянно талдычила сёстрам: «Вы свой внешний вид должны контролировать всегда: на вас должна быть такая одежда, чтобы даже после внезапной трагической смерти, в результате аварии или по другой причине тело не оголилось... Сделайте так, чтоб на вас смотреть было не противно». По нашим адатам, если женщина «загуляла» – ей полагается смерть. Разведённая женщина – под присмотром особым: она не должна носить яркие, вульгарные украшения, соблазнительную одежду, обязана соблюдать нормы ислама.

– А любовь, биология, физиология?

– У нас всё, что перечислили, заменяют законы шариата. Мужчинам категорически запрещается звонить ей, если нет серьёзных намерений, если не собирается на ней жениться. А я недавно позвонил... Меня быстро по номеру вычислили... останавливают машину:

– Зачем звонил?

Я хотел «отмазаться», мол, случайно на кнопку сел... Не успел рта раскрыть, объяснить... – удар битой пришёлся по скуле, рукоятка переломилась... Кровища... Со мной в машине был приятель, но нас застали врасплох, а их четверо, и не с пустыми руками – готовились. Они, можно сказать, поступили гуманно. Если бы позвонили сестре моей, я бы этого человека убил, а сестру наказал. У нас не пишут заявления в милицию, разбираются сами.

А вы в курсе, что Ингушетия – единственный регион России, где запретили травматическое оружие?

– Ты об этом говоришь так, будто у ваших джигитов изымают столовые ножи, вилки...

– Это следующий шаг! В Ингушетии все рождаются уже в состоянии аффекта... Наш министр МВД так и сказал: «Если им ещё оружие дать, они перебьют друг друга», – Юнус окончил медфак, работает травматологом и потому авторитетно, со знанием дела, заявил: – На дискотеку, в балет у нас не ходят, самое посещаемое место – травмопункт. Если хотят выпить – везут из Северной Осетии (официально спиртное в Ингушетии не купишь ни в одном ресторане). Хотя ищущий да обрящет: есть несколько полуподпольных точек, там с завидной регулярностью устраивают погромы.

– В какой-то момент мне даже самому показалось: брошу пить! Вовремя одумался... Я бы и рад, но «Путинка» строго показана мне как писателю.

– Тяжёлый случай. А что касается «сладкого»... Гульнуть ингуши уезжают за пределы региона. Значных мест почти не осталось, так, пару частных отелей... Туда нормальные люди не ездят – шелупонь привозит шалав. Зимой брат поймал

там свою сестру: один раз предупредил – не понял. Через неделю мать хватилась искать, он остановил: «Не ищи её больше, закопал. Ты ведь знаешь наши законы». Ингуши стараются эмоций не проявлять: плакать, смеяться, ласкаться, целоваться – не принято... Зарезать – можно.

А вот что услышал про воспитание девочек из женских уст.

Лейла Харсиева поделилась воспоминаниями:

– Когда мы жили во Владикавказе, отец навещал меня и сестёр: «Вы – лицо нации, потом вы – моё лицо!» Что это означало на практике? Хорошие девочки не могут на улице, в транспорте громко хихикать... Это осуждается. Быть раскрепощённой – пятно на весь род. (А мне по молодости так хотелось посмеяться, я по натуре хохотушка...) С представителями другой национальности мы должны были общаться крайне сдержанно – никакого панибратства! В одиночку появляться на улице – не допускается... С парнем встречаться, уединяться – боже упаси! Однако как мы ни старались себя блюсти, – однажды оступились...

Как угораздило?.. Не понимаю...

Держались, держались и здорово живёшь!.. пошли по наклонной.

Старшая сестра, первокурсница, пригласила нас... ЗАЙТИ В КАФЕ.

Потом наступило запоздалое раскаянье, и она решила:

– Признаюсь во всём...

– Да ты что? Не смей!

– Я одна виновата...

– А-ах...

И она с повинной – к отцу.

– Папа, должна тебе признаться: сегодня сестёр водила в кафе.

– И правильно сделала. Вы что, на улице мороженое будете лизать? И в кино ходить можно – вы молодые.

Я такая думаю: «Ничего себе... О tempora! O mores! О времена! О нравы...»

– Главное – нельзя забывать, что ты ингушка и чья ты дочь.

Он доверял, но проверял – следил за нами. И если ни разу не прокололась – полное доверие отца! Сыновья, конечно, более шутливые, непослушные. У козлят с детства рожки не ороговевшие, пока они их не выбьют, не успокоятся. Всё время бодаются...

Мальчишки такие же.

Семейные и свадебные адаты

Амина Саутиева – начальник отдела опеки администрации Малгобекского района – дала необходимую информацию:

– При разводе по ингушским традициям дети остаются с отцом. У нас нет такого понятия «алименты». Расходы по воспитанию детей при разводе однозначно несёт отец. «Злостный неплательщик алиментов» – образ не ингушский. В случае смерти обоих родителей у нас не приходится долго решать, кто будет опекуном ребёнка. Конфликты бывают, кто больше имеет прав взять детей...

– У нас сдают наперегонки, тут наперегонки берут, – подивился я.

– В Ингушетии нет ни одного приюта ребёнка. Если муж погиб, ингушка остаётся с родителями мужа. Если она решит выйти замуж, своих детей должна оставить в семье родителей мужа, потому волей-неволей остаётся и сама. В Ингушетии нет ни одного дома престарелых. Недавно у нас по местному телевидению показали сюжет: одинокий старик живёт в бараке. Глава республики! лично! заинтересовался судьбой старика, встретился с ним, потом разыскал дочь и пристыдил: «Как тебе не стыдно! Бросить отца!» Оказал бездомному помощь.

Что касается семейных адатов, Махмуд уточнил:

– Зять всю жизнь не видится ни с тещей, ни с тестем, но все родственники по линии матери – ненхой – пользуются большим уважением. Тамада «духовный» и «застольный» – разные вещи. Духовный тамада – не балагур, не выпивоха, блистающий остроумными тостами, – религиозный деятель.

Я хотел включить в число символов Ингушетии ещё гору Казбек, но Махмуд возразил:

– Это волонтаризм! Гора Казбек находится на территории Грузии и не имеет к нам никакого отношения.

Спорить не стал... Да, в Грузии. Но вид её величественной вершины украшает и пейзаж Ингушетии. Так что теперь, баннерами завешивать или затирать в фотошопе? Нет. Любоваться. Любоваться и, сличая фото с коробкой советских папирос, помнить, что курение вредно для здоровья, а капля никотина убивает лошадь.

МАТРИЦА

Ахи

Большая родня – глубоко уходящие корни.

Ингушская пословица

Оздоев Муса подарил мне понимание источника духа ингушского народа:

– В древности исключительно святые люди определяли место строительства башни... то заветное, чистое место, на которое нисходила милость Бога. Затем землю обильно орошали молоком и только потом, с молитвами, возводили башню.

Вовнушки – тейповая башня нашего рода Оздоевых.

Обратите внимание, башни словно не построены – выросли из скалы, как гигантские деревья, подпитываясь животворными соками родной земли, силой её, могуществом, культурой, духом ингушского народа. Нет привычного заурядного ощущения рукотворности...

Отец передавал изустный завет предков:

– Никогда не расставайтесь с родовыми башнями: в них заключается наше благополучие, в них секрет бессмертия ингушского народа. Башни своего рода энергетический реактор.

Архитектура башни символизирует семь уровней развития материи: на самом нижнем – заготовленные корма, выше скот, ещё выше хозяйственные помещения, кухонные, спальные... И венчает башню макушка – символ исхода человека с брэнной земли, возвращение к Создателю. Это философская модель, в соответствии с которой формируется сознание, дух самого человека. Когда ты пребиваешь рядом с башней, в ней самой... ты явственно, почти физически ощущаешь ту силу, которой обладали предки. Необъяснимое чувство нереальности, неба... суетные мысли отступают... Ты испытываешь неземную благодать... состояние покоя, абсолютного покоя. Ничто не тревожит. Перед тобой открывается иной, недоступный смертному человеку мир. И никого вокруг – Ты и Творец.

Вот такая родина у моих предков. Живая, нетленная...

И даже сегодня к древней истории можно прикоснуться наяву.

Здесь обитает дух моего рода.

Ещё одним ярким зрительным образом нашего тейпа является карта поколений, – Муса достал рукописный свиток длиной метров пять – и на всю длину убористым почерком – родословная, генеалогия

ческое древо. – В ссылке, во время голода, разрухи, пожаров её спасли, уберегли, вновь и вновь перенося информацию с ветхого листа на свежий, переписывая от руки раз за разом.

– Как всё серьёзно... Чудо какое-то... – я был поражён. – Да, вот этими мощными извилистыми корнями, уходящими к первородству, и силён Кавказ...

– Эту генеалогическую карту мы составляли несколько веков... она переходила от отца – к сыну, от отца – к сыну. Материал всегда хранился у моего двоюродного брата. Я взял свиток на время, для работы, через день дом брата сгорел дотла. Сейчас многие пытаются «косить» под европейцев. Есть угроза, что всё самое важное останется лишь на бумаге и там тихо скончается. А ведь мы не имеем права допустить, чтобы эта бесконечная нить оборвалась, закончилась нами... Мы обязаны сберечь свою культуру, адаты, «найна мотт» (родной язык, язык матери), кодекс чести Эздел в целостности, сохранности и передать своим детям. Это поможет им самим выжить и укрепить веру в себя.

– Чудо!.. Можно долго нудно говорить, рассказывать про Ингушетию, а можно просто показать, явить миру этот фолиант – и почтительно замолкнуть даже враги... К своему стыду должен признаться: ничего подобного у нас нет. После революции семнадцатого года память людям регулярно перезагружали, всю информацию удаляли, обнуляли. Минимальное, что даёт история – это право на место под солнцем. Чем древнее история, тем глубже корни государства и народа и тем их труднее выкорчевать. Не знающий прошлого не принадлежит себе, он может стать собственностью кого угодно. Знающий своё прошлое принадлежит только самому себе, даже если его тело заковано в цепи. Моя малая родина – Республика Карелия – собирается отмечать аж 100 лет! Мы словно дерево, растущее на крыше... В романе Чингиза Айтматова «Плаха» описана самая страшная казнь – превращение человека в манкурта. Когда он переставал быть частью народа, забывал, кому принадлежит, кто он, откуда пришёл.

Могу себе представить, какие силы даёт ингушам это священное знание и ясное понимание того, что за спиной, прямо сейчас... в тот момент, когда мы с вами беседуем, – стоят не просто какие-то обезличенные тени пращуров, а дух конкретных основателей, продолжателей рода с фамилиями, датами, реальными судьбами. И какой одновременно груз на плечах, какая моральная ответственность перед тенью предков... Стыдно, невозможно – потомкам, наследникам этого свитка – стать никем, стать ничем... Пустоцветом... Принять эстафету поколений можно, лишь осознавая свою миссию по достоин-

му продолжению рода. Приходится волей-неволей, хочешь-не хочешь соответствовать уровню.

Это был, пожалуй, первый случай за время всей моей поездки по Ингушетии, когда говорил в основном я (хорош интервьюер!). Точнее, не то чтобы даже говорил – бормотал... слова бессвязные... междометия какие-то... восхищённый, ошарашенный, несказанно радуясь за гордый ингушский народ. Разглядывал карту, фотографировал Мусу...

Передо мной, будто в ускоренном кино, пролетела история ингушей за последние два века: несколько раз судьба подводила ингушский народ к гибели, к самому краю бездны, за которым – ничто. Профессиональные убийцы-властители едва не вывели под корень этот гордый народ, а ведь как старались, как корпели... Дедушка Сталин радел лично... (Уничтожать людей массово он умел и, чего греха таить, любил это дело... понимал в нём толк.) Однако не помогли ему ни НКВД, ни Берия, ни казахские морозы, ни голодовки, ни расстрелы духовных лидеров, ни взрывы мечетей, ни концентрационные лагеря, ни тюрьмы, ни сжигание заживо детей, беременных женщин и стариков... Ничего не вышло из этой дьявольской затеи! В адской машине произошёл где-то сбой. Ингуши взялись за руки и сплотились вокруг своего родового Древа.

И сейчас передо мной лежала не просто генеалогическая схема – матрица! Ключ к пониманию ингушского народа. Его секретный код!

Становой хребет и вещей символ Ингушетии.

Стало даже как-то торжественно... волнительно... и необъяснимо страшно.

Не возьмусь пересказать, описать своё состояние... не возьмусь. Это – таинство.

Ощущение... убеждение!

Я понимал, что присутствую в момент священнодействия...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Молчание – начало всех начал.

Андрей Макаревич

Дорогие ингуши!

Эта книга писана – вашими молитвами.

Наш огромный совместный труд окончен.

В романе Идриса Базоркина «Из тьмы веков» изложено в поэтической форме его восприятие Ингушетии, точно передающее мои собственные чувства:

*Знак времени иной. Иная жизнь течёт.
Кто пристально глядит, тот видит очень много.
Кто слушает, с тем время говорит.
Мне удлиннили годы старики.
Они меня водили в день вчерашний.*

В Ингушетии со мной говорило само Время.

А седые старцы, соль ингушской земли, воплощение разума ингушского народа, были моими проводниками, моими поводырями в стан ингушской мудрости, истины.

«Подвизайся за истину до смерти» – призывает Ветхий Завет.

И я стараюсь...

Достоинство народа – достоинство его духа, его разума.

Достоинство разума в его философии. Это взаимосвязано. Народ является великим не потому, что может надавать соседу по мордам, народ велик своей мыслью, своей культурой, своей глубиной. Велик тем, что питает человеческую душу, человеческий разум.

Поговаривают о возможности создания искусственного разума.

Он уже есть...

Уже есть сила, которая влияет на всю планету, на каждого землянина. Она влиятельнее, могущественнее, чем ЦРУ, чем Мировое Правительство, чем «рука Москвы». Она сильнее всех сил, вместе взятых... В том смысле, что процесс запущен одним из этих центров влияния, но с какого-то момента стал неуправляемым. Эта сила – Интернет. Интернет работает абсолютно автономно и ни от кого не зависит. Он форматирует, формирует мозги людей, он уже привёл к тому, что люди начали одинаково питаться, одеваться, любить, петь, смотреть фильмы, вести себя, говорить, мыслить, жить – всё одинаково. Интернет запустил процессы урбанизации, глобализации. Цунами информационных технологий накрыло всех с головой, не зря же называется «сеть». Авоська, из которой не вырваться. Ты уже сегодня не можешь жить как первобытный человек, не можешь пойти, взяв курс на звезду: нужны паспорт, нужны деньги – много чего. Тебя уже сосчитали, ты – в системе. Уже попал! Искусственный интеллект существует и давно орудует. Бояться этого – нерационально. Надо принять данную вводную как неизбежное. А дальше... Если процесс не останавливать, его надо возглавить. Силой, которая день ото дня растёт и становится влиятельнее, нужно на-

учиться управлять, как ядерной реакцией. Однако, находясь в самом реакторе, внутри процесса, координировать его невозможно! Пребывая в одной точке, никогда точно не сориентируешься в пространстве и в итоге останешься на нуле. Для управления нужна устойчивая, математически-точная система координат, дополнительный, наряду с верой, с Богом дедов и прадедов, – вектор направления, измерения. Нужен лазерный луч, святой животворный источник из самой глубины веков. Незатухающий ветхозаветный импульс силы самой Земли, связывающий с космосом... И этот дополнительный вектор в системе координат – дух ингушского народа.

Дух ингушского народа – та незамеченная, по достоинству не оценённая пока, сакральная сила, которая сделает Россию... всех нас сильнее.

Вместо фразы «в начале было слово» ингушские жрецы, вероятно, сказали бы: «Сначала было безмолвие». Жрец на священной горе Мят-Лоам во время праздника вначале долго молчал, глядя на восходящее солнце, только потом начинал речь. Не на все вопросы можно найти ответ. И не всегда нужно спешить сказать. Бывает, лучше помолчать.

Молчать и свято верить: «Бог не покинет...»

И строки эти – просто первые капли будущего дождя.

Антонина Романова-Осипович

*Свече заказано гореть,
Не тлеть,
Не дёргаться,
Не прыгать,
Лишь темноту лучами двигать,
А догоревши – умереть.
Нам жизнь подарено прожить,
Не ныть,
Не злиться,
Не пугаться,
Подарком так распорядиться,
Чтоб научиться всех любить.
Спектакль положено сыграть
Достоинно,
Смело,
Ждать оваций,
Среди прекрасных декораций
Нельзя комедию ломать.*

Свече заказано гореть?

Примечания

³⁵ Сейчас мирно светит солнышко, и память человеческая так устроена: всё плохое забывается. Дабы воспоминания освежить и сегодня понять масштабы трагедии, предлагаю материал из газеты «Коммерсант» от 28.06.2004:

«На прошлой неделе отряды боевиков напали на Ингушетию. Одновременно были атакованы и захвачены объекты МВД, погранвойск, Минобороны и прокуратуры. Около сотни людей, в том числе руководители МВД и прокуратуры республики, погибли, еще больше – ранены.

Корреспондент «Власти» Ольга Алленова попыталась разобраться, почему это произошло. Нападения боевиков начались в 22 часа 21 июня. Разбившись на небольшие отряды, они разоружили и расстреляли омонцовцев на блокпостах на въездах в Назрань и Карабулак. Потом с криками «Аллах акбар» прошли по Назрани и атаковали здания МВД, УВД и погранотряда. В Карабулаке попытались захватить расположение мобильного отряда МВД России в Ингушетии и склады вооружений и боеприпасов местной милиции.

После многочасовой осады погранотряда боевикам пришлось отступить. А вот сотрудникам МВД и УВД свои здания отстоять не удалось. Воспользовавшись тем, что в них находились всего несколько дежурных милиционеров и руководство министерства, боевики захватили их и сожгли. В бою погибли и.о. министра внутренних дел Ингушетии Абукар Костоев и один из его заместителей. В соседние здания ИВС и УБОПа боевики попасть не смогли – из-за их усиленной охраны. Выехавшие на место происшествия прокуроры Назрани Мухарбек Бузуртанов и Назрановского района Бислан Озиев, а также их сотрудники попали в засаду и были расстреляны.

Не менее тяжёлые бои произошли в Слепцовской и Карабулаке. В Карабулаке боевикам удалось даже захватить склады оружия. Нападавшие, видимо, рассчитывали вооружить часть местных жителей, а затем при их поддержке ата-

ковать столицу республики Магас, где расположена резиденция президента Мурата Зязикова, но план сорвался. Поднятые по тревоге войска были брошены спасать президента. При этом два крупнейших города республики, Назрань и Карабулак, были фактически отданы боевикам, которые немедленно устроили чистки: врвались в дома и расстреливали местных руководителей. Так был убит в общем-то далекий от войны директор местного кирпичного завода. Только к утру, когда силовики смогли скоординировать свои действия, бандиты оставили захваченные города и ушли в горы. Руководство МВД говорит об уничтожении сотни бандитов, но на деле потери с их стороны, видимо, оказались минимальными. Например, в Назрани нашли тела только двух ачхоймартановцев, участвовавших в ночном налете».

³⁶ Три года «стабильности» Бюллетени Правозащитного центра «Мемориал» о ситуации на Северном Кавказе. Выпуск 2. Осень 2009 года – осень 2012 года.

³⁷ Сура Пчёлы 53(51). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский.

³⁸ Сура Добыча 58(56). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский.

³⁹ Брюсов Валерий Яковлевич, поэт и ученый, основоположник русского символизма. Гунны (*греч.* *Οὐννοι*, *лат.* *Hunni*) – кочевой народ, вторгшийся в 70-х годах IV века из Азии в Восточную Европу.

⁴⁰ Идрис Базоркин, роман «Из тьмы веков».

⁴¹ Татьяна Бек.

⁴² Сура Поэты 221. 222. 223. 224. Коран, перевод: И.Ю.Крачковский.

⁴³ Сура Корова 19(21). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский.

⁴⁴ Тимур Кибиров.

⁴⁵ Леонид Завальнюк.

⁴⁶ Белхи – ингушский субботник соседей.

Александр Викторович КОСТИУНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист.

Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И.Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

